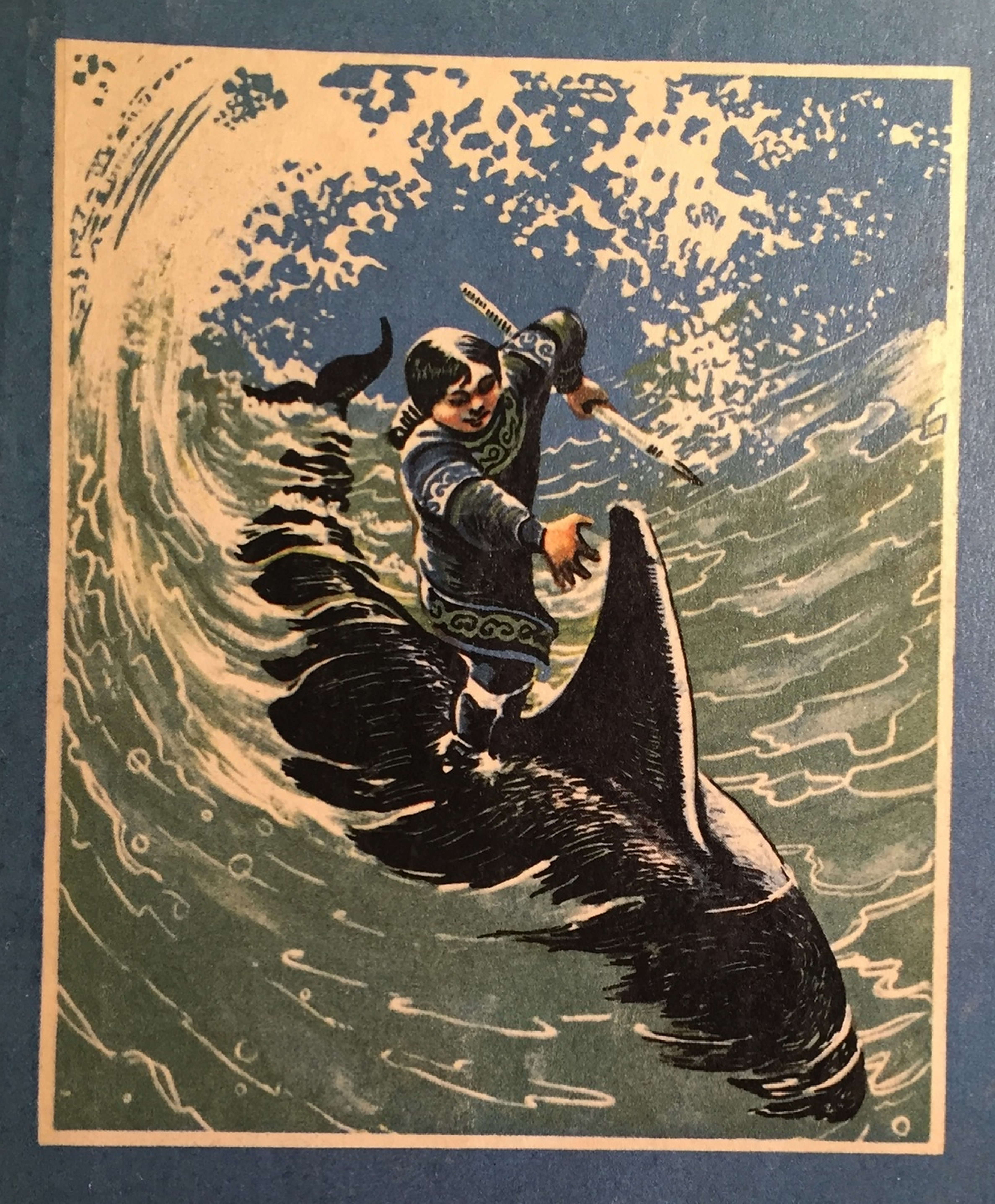

ДМ. НАГИШКИН

Храбрый Азмун

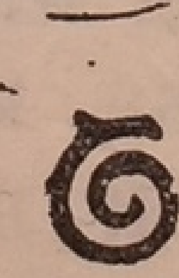
Издательство
„Детская литература"

31872

Д. НАГИШКИН

ХРАБРЫЙ АЗМУН

АМУРСКИЕ СКАЗКИ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1974

Рисунки автора

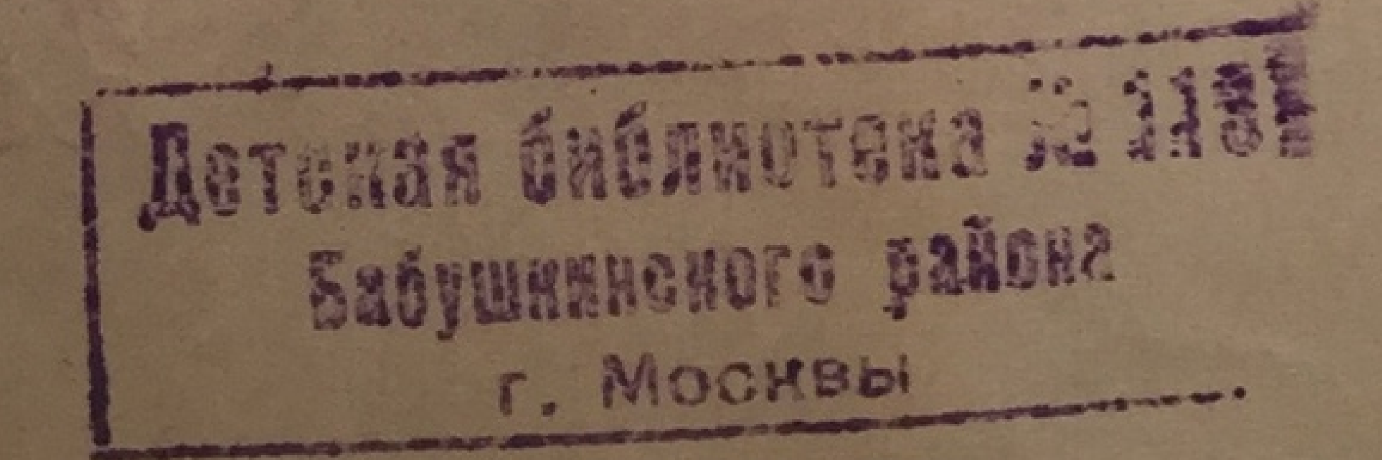
Нагишкин Д. Д.

Н16 Храбрый Азмун. Амурские сказки. Рис. Д. Нагишкина. М., «Дет. лит.», 1974.

64 с. с ил.

Амурские сказки о Храбром Азмуне, о маленькой Эльге, о Лоче-богатыре и других героях, которые помогают своему народу и побеждают все злые силы, потому что у них смелое сердце и светлая цель.

Н $\frac{70802-056}{М101(03)74}$ 215—74 **Р2**

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин

Храбрый Азмун

Ответственный редактор
Л. Г. Тихомирова
Художественный редактор
Л. Д. Бирюков
Технический редактор
Н. Д. Лаукус
Корректор З. С. Ульянова

Сдано в набор 17/IX 1973 г. Подписано к печати 25/XII 1973 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 4. Уч.-изд. л. 2,97. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1358. Цена 13 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

ПЕРВАЯ СКАЗКА

Жил-был на свете мальчик, не мальчик с пальчик и не великан. Окружали этого мальчика чудеса: высокие сопки с синими гольцами, покрытыми вечным снегом, тайга с такими высокими деревьями, что шапка падала с головы, если посмотреть на их верхушки, и озеро, про которое говорили: «Славное море, священный Байкал!» Видел он табуны коней, от топота которых тряслась земля, рыб такой величины, что из каждой вышло бы несколько таких мальчиков, песчаные бури, затмевавшие солнце, снежные заносы, после которых приходилось откапывать дома. Видел разных, не похожих друг на друга людей — они говорили на разных языках и одевались по-разному.

Место, где жил мальчик, казалось ему самым интересным на земле. Но потом он с отцом ехал долго-долго — на лошадях, на пароходе, на поезде — и приехал в другое место, которое тоже оказалось самым интересным. Здесь люди жили в землянках и берестяных юртах, ездили на собаках и на оленях, а по реке — в берестяных или долблённых из тополя лодках, приносили жертвы зверям и деревьям, чтобы была удачная охота, и каждой осенью и весной «кормили» свою реку, чтобы давала рыбу... У всех этих людей были свои сказки, а в сказках много небылиц: у китайцев — люди-оборотни, у монголов — Гесер Богдо, искоренитель десяти зол в семи странах света, у русских — Никита Кожемяка, побеждавший огнедышащего змея, у удэгейцев жил в горах каменный Какзаму, у нивхов и нанайцев синеглазый Боко заманивал неосторожных охотников в болото. Но ещё больше было в сказках настоящей жизни — нужды

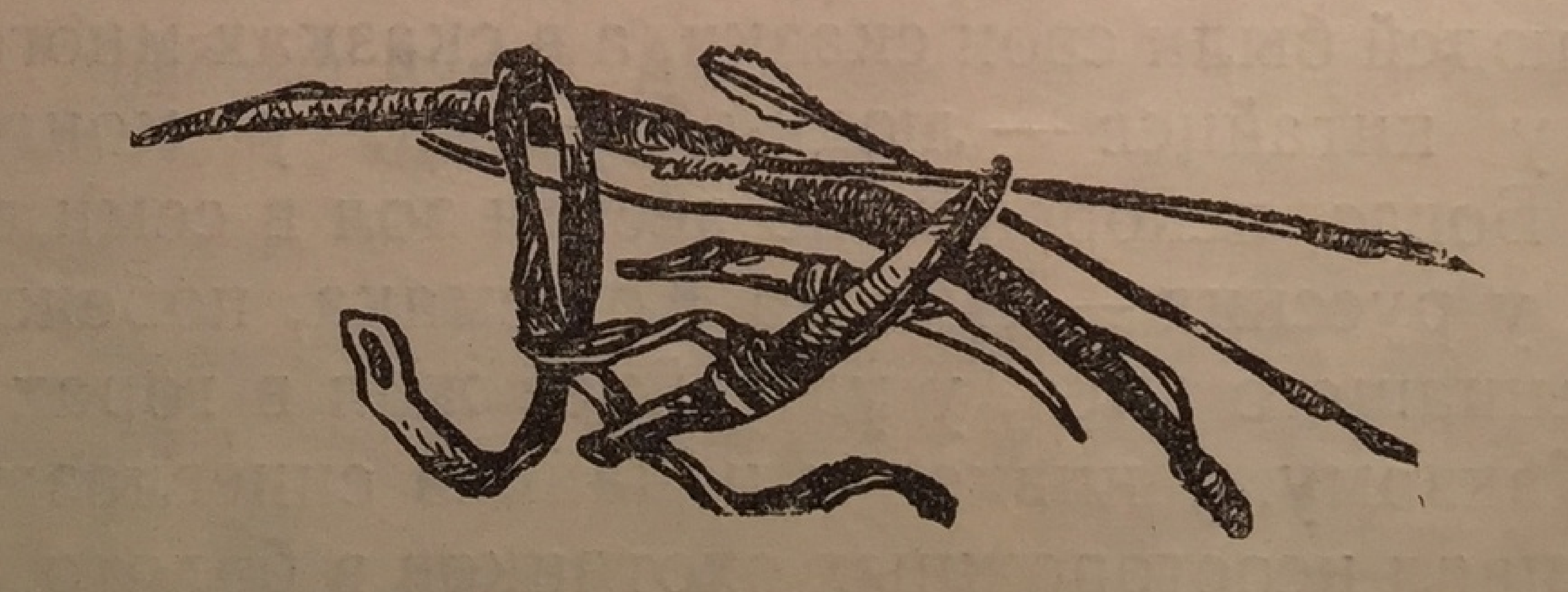
и горя, терзавших людей хуже сказочной Бабы-Яги, и труда и радости созидания, позволявших человеку обуздывать природу. В сказках простой пастух, охотник, рыбак, пахарь брал верх и над богачом, и над царём, и над самим богом.

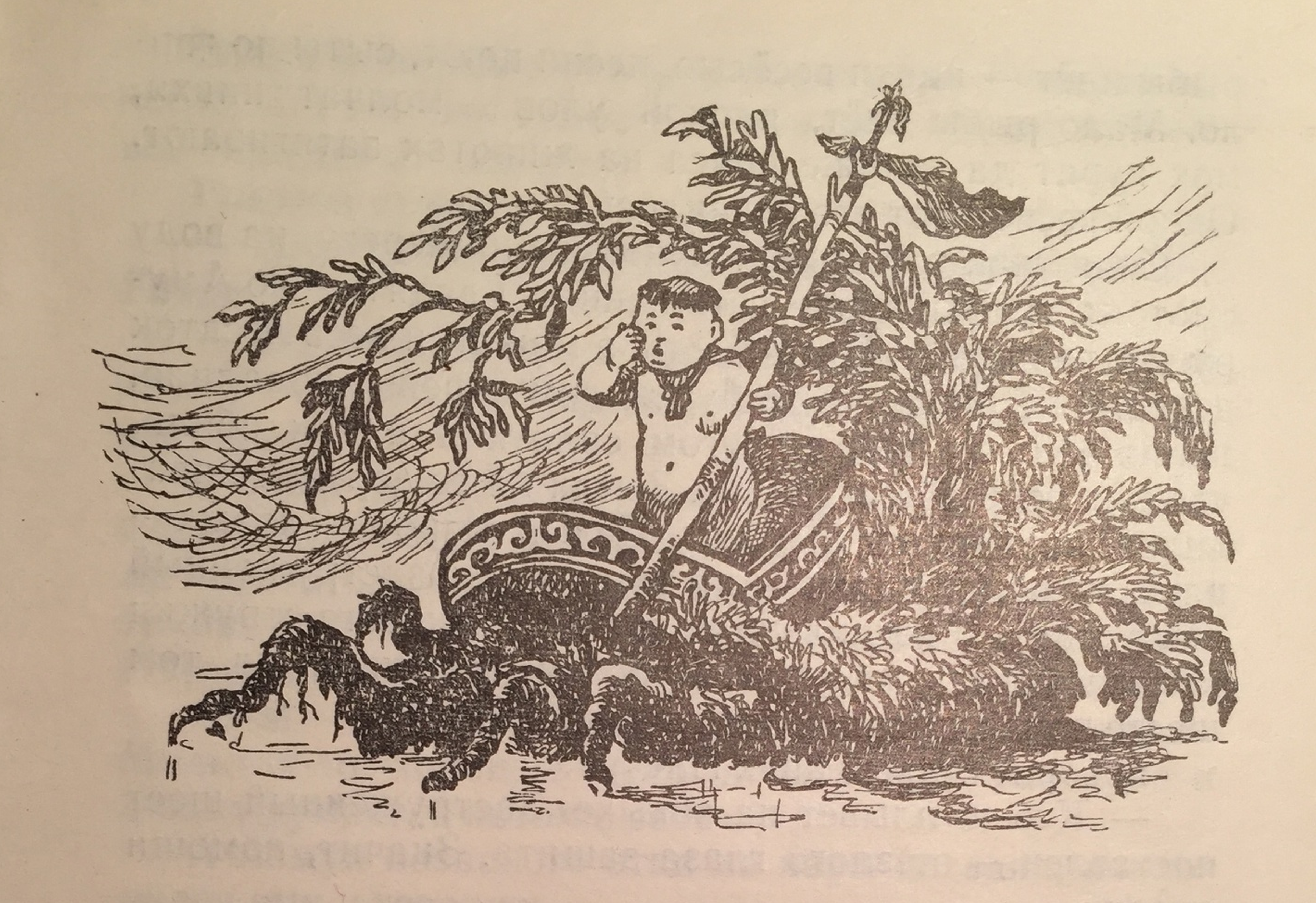
Мальчик, который «жил-был на свете», слушал эти сказки. Рос он не так, как в сказках — «не по дням, а по часам»,— и прошли долгие годы, пока он вырос. Умер его отец, мать легла в сырую землю, и братья и сёстры его разбрелись по белу свету; уже другие мальчики называли его отцом, и волосы его поседели. Но он по-прежнему любил сказки и людей, населявших белый свет. Но, слушая сказки про Боко, он вспоминал утонувшие деревья, комли которых так походили на нечёсаную голову Боко, вспышки болотного газа метана, который горит синим огнём, и понимал, почему черноглазые нанайцы рассказывают про синие глаза Боко. Он понимал, что сказка — это тоже рассказ о жизни человека, в котором тот превратил подстерегающую его опасность в Бабу-Ягу или Каксаму. «За любой сказкой,— сказал он себе,— стоит жизнь. Надо только увидеть её!»

И он написал сказки о тех людях, которых видел, чтобы показать, как сказочно прекрасны и жизнь, и мысли, и дела этих людей. Он выдумал эти сказки так же, как и до него люди выдумывали их.

Вот что хотелось мне сказать вам об этой книге.

Дмитрий Нагишкин

ХРАБРЫЙ АЗМУН

Смелому никакая беда не помеха. Смелый сквозь огонь и воду пройдёт — только крепче станет. О смелом да храбром долго люди помнят. Отец сыну о смелом да храбром сказки сказывает.

Давно это было. Тогда нивхи [1] ещё каменные наконечники к стрелам делали. Тогда нивхи ещё деревянным крючком рыбу ловили. Тогда амурский лиман Малым морем звали — Ля-ери.

Тогда на самом берегу Амура одна деревня стояла. Жили в ней нивхи — не хорошо и не худо. Много

---

[1] Ни́вхи и далее встречающиеся в сказках удэгейцы (удэ́), нана́йцы, у́льчи, о́рочи — народности Дальнего Востока, живущие по Амуру и его притокам, в Уссурийской тайге и на Северном Сахалине.

рыбы идёт — нивхи весёлые, песни поют, сыты по горло. Мало рыбы идёт, плохой улов — молчат нивхи, мох курят да потуже пояса на животах затягивают. Одной весной вот что случилось.

Сидят как-то парни и мужчины на берегу, на воду смотрят, трубки курят, сетки чинят. Глядят — по Амуру что-то плывёт. Пять-шесть, а может, и весь десяток деревьев. Видно, где-то буревалом деревья повалило, полая вода их друг с другом сплотила и так сбила, что и силой не растащишь. Земли на те деревья навалило. Трава на них выросла. Целый остров — хові́х — плывёт. Видят нивхи — на том ховыхе застру́женный шест стоит. В несколько рядов на том шесте стружки вьются, на ветру шумят. Красная тряпочка, на том шесте привязанная, в воздухе полощется.

Говорит старый нивх Плету́н:

— Кто-то плывёт на ховыхе. Заструженный шест поставлен — от злого глаза защита. Значит, помощи просит.

Слышат нивхи — плач ребёнка доносится. Плачет ребёнок, так и заливается. Говорит Плетун:

— Ребёнок на ховыхе плывёт. Видно, нет у него никого. Злые люди всех его родичей убили, или чёрная смерть всех унесла. Зря не бросит ребёнка мать. На ховых посадила — добрых людей искать послала.

Подплывает ховых. Слышен плач всё сильнее.

— Нивху как не помочь! — говорит Плетун.— Помочь надо.

Кинули парни верёвку с деревянным крючком, зацепили ховых, подтянули к берегу. Глядят — лежит ребёнок: сам беленький, кругленький, глазки чёрные, как звёздочки, блестят, лицо широкое — как полная луна. В руках у ребёнка — стрела да весло.

Посмотрел Плетун, говорит — ребёнок богатырём будет, коли с колыбели за стрелу да за весло схватился: ни врага, ни работы не боится. Говорит:

— Сыном своим назову. Имя новое дам. Пусть Азму́ном называться будет.

Взяли нивхи Азмуна на руки, к дому Плетуна понесли. Только что такое?.. С каждым шагом ребёнок всё тяжелей становится!

Говорят старику:

— Эй, Плетун, сын-то твой на руках растёт! Гляди!

— На родной земле да на родных руках как не расти! — отвечает Плетун.— Родная земля силу человеку даёт.

Видно, правду Плетун сказал, что родная земля силу даёт: пока до дома старика дошли, вырос Азмун; до порога его парни донесли, а у порога он с рук на землю сошёл, на свои ноги стал, посторонился — старшим дорогу уступил, только тогда в дом вошёл.

«Э-э! — думает Плетун, на нового сына глядя.— Мальчик-то хорошие дела делать будет: наперёд о людях думает, а потом о себе».

А Азмун названого отца на нары посадил, поклонился ему и говорит:

— Посиди, отец. За долгую жизнь устал ты. Отдохни.

Сетки взял, весло взял. На берег вышел — лодки сами собой в воду соскочили. А Азмун в лодку стал, на корму своё весло бросил — стало весло работать, на середину реки выгребать. Пошла лодка. Азмун сетку бросил в воду. Сетку вынул — много рыбы поймал. Домой пришёл — женщинам рыбу отдал. В деревне все в этот день рыбу ели. А Азмун названому отцу говорит:

— Мало рыбы в этом месте, отец.

Отвечает ему Плетун:

— Не пришла рыба. Амур рыбу не даёт.

— Попросить надо, отец. Как нивхам без рыбы жить?

Раньше всегда рыбы просили — Амур кормили, чтобы рыбу давал.

Вот поехали Амур кормить.

На многих лодках поехали. Лучшие одежды наде-

ли из пёстрых тюленей, собачьи дохи чёрные надели. Плывут, песни хорошие поют. На середину Амура выехали.

Взял Плетун кашу, юколу — сушёную рыбу,— сохачьего мяса взял. Всё в Амур бросил:

— Простые люди просят тебя — рыбу пошли, много хорошей рыбы пошли, разную рыбу пошли! Вот юколу тебе собачью бросаем — больше у нас нечего есть. Голодаем! Животы к спине прилипли у нас. Помоги нам, а мы тебя не забудем!

Кинул Азмун сетку в воду — много рыбы взял. Радуются нивхи. А Азмун хмурится. «Один раз — это просто удача»,— говорит. Кинул сетку второй раз — меньше рыбы взял. Хмурится Азмун. Кинул сетку в третий раз — последнюю рыбу взял. Кто из нивхов потом сетки ни бросал — ничего не поймал. Даже корюшка в сетку нейдёт. В четвёртый раз кинул свою сетку Азмун — пустую вытащил.

Приуныли нивхи. Трубки закурили. «Помирать теперь будем!» — говорят.

Велел Азмун всю рыбу в один амбар сложить — понемногу всех людей кормить.

Заплакал Плетун, говорит Азмуну:

— Сыном тебя назвал, думал — новую жизнь тебе дам! Рыбы нет — что есть будем? Все помрём с голоду. Уходи, сын мой! Тебе другая дорога. От нас уйди — наше несчастье на нашем пороге оставь!

Стал Азмун думать. Отцовскую трубку закурил. Три амбара дыму накурил. Долго думал. Потом говорит:

— К Морскому Старику — Тайрна́дзу — пойду. Оттого рыбы в Амуре нет, что Хозяин о нивхах забыл.

Испугался Плетун: никто из нивхов к Морскому Хозяину не ходил. Никогда этого не было. Может ли простой человек на морское дно к Тайрнадзу — Старику — спуститься?

— По силе ли тебе дорога эта? — спрашивает отец Азмуна.

Ударил Азмун ногой в землю — от своей силы по пояс в землю ушёл. Ударил в скалу кулаком — скала трещину дала, из той трещины родник полился. Глаз прищурил — на дальнюю сопку посмотрел, говорит: «У подножия сопки белка сидит, орех в зубах держит, разгрызть не может. Помогу ей!» Взял Азмун лук, стрелу наложил, тетиву натянул, стрелу послал. Полетела стрела, ударила в тот орех, что белка в зубах держала, расколола пополам, белку не задела.

— По силе! — говорит Азмун.

Собрался Азмун в дорогу. В мешочек за пазуху амурской земли положил, нож, лук со стрелами взял, верёвку с крючком, костяную пластинку взял — играть, коли в дороге скучно станет.

Обещал отцу в скором времени весть о себе подать. Наказал: той рыбой, что он наловил, всех кормить, пока не вернётся.

Вот пошёл он.

К берегу моря пошёл. До Малого моря дошёл. Видит — нерпа на него глаза из воды таращит, с голоду подыхает.

Кричит ей Азмун:

— Эй, соседка, далеко ли до Хозяина идти?

— Какого тебе хозяина надо?

— Тайрнадза, Морского Старика!

— Коли морского — так в море и ищи,— отвечает нерпа.

Пошёл Азмун дальше. До Охотского моря дошёл, до Пи́ля-ке́кха — так его тогда называли. Лежит перед ним море — конца-краю морю не видать. Чайки над ним летают, бакланы кричат. Волны одна за другой катятся. Серое небо над морем висит, облаками закрыто. Где тут Хозяина искать? Как к нему дойти?! И спросить некого. Глядит Азмун вокруг... Что делать? Чайкам закричал:

— Эй, соседки, хороша ли добыча? Простые-то люди с голоду помирают!

— Какая там добыча! — чайки говорят.— Сам

видишь, еле крыльями машем. Рыбы давно не видим. Скоро конец нашему народу придёт. Видно, заснул Морской Старик, про своё дело забыл.

Говорит Азмун:

— Я к нему иду. Да не знаю, соседки, как к нему попасть...

Говорят чайки:

— Далеко в море остров стоит. Из того острова дым идёт. Не остров то, а крыша юрты Тайрнадза, из трубы дым идёт. Мы там не бывали, наши отцы туда не залетали — от перелётных птиц слыхали! Как попасть туда — не знаем. У косаток спроси.

— Ладно,— говорит Азмун.

Вышел на морской берег Азмун. Долго шёл. Устал. Сел среди камней на песке, голову на руки положил, стал думать. Думал, думал — уснул. Вдруг во сне слышит — шумят какие-то люди на берегу. Азмун глаза приоткрыл...

Видит — по берегу молодые парни взапуски бегают, на поясках тянутся, друг через друга прыгают, с саблями кривыми играют. Тут тюлени на берег вышли. Парни тюленей саблями бьют. Как ударят — так тюлень на бок. «Э-э,— думает Азмун,— мне бы такую саблю!» Смотрит Азмун — стоят на берегу лодки худые...

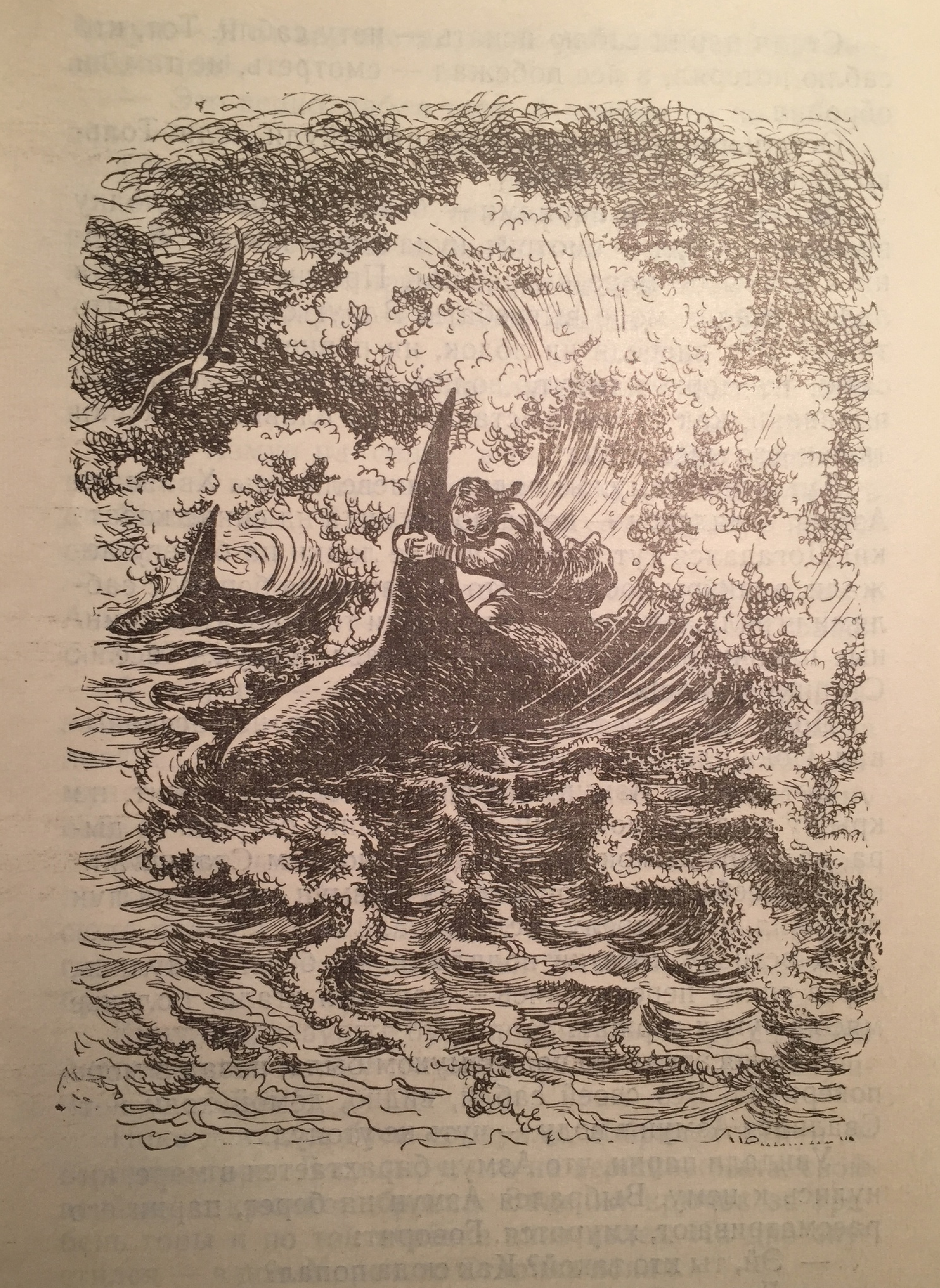
Стали тут парни бороться. Сабли на песок побросали. Задрались между собой — ничего вокруг не видят, кричат, ссорятся. Тут Азмун изловчился, верёвку с крючком забросил, одну саблю зацепил, к себе потихоньку подтянул. Тронул пальцем — хороша! Пригодится.

Кончили парни бороться. Все за сабли взялись, а одному не хватает. Заплакал тут парень, говорит:

— Ой-я-ха! Задаст мне теперь Хозяин! Что теперь Старику скажу, как к нему попаду?

«Э-э,— думает Азмун,— парни-то со Стариком знаются! Видно, из морской деревни парни!»

Сам лежит, не шевелится.

Стали парни саблю искать — нету сабли. Тот, кто саблю потерял, в лес побежал — смотреть, не там ли обронил.

Остальные — лодки в море столкнули, сели. Только одна осталась на берегу.

Азмун за теми парнями — бежать! Пустую лодку в море столкнул — смотрит, куда парни поедут. А парни в открытое море выгребают. Прыгнул и Азмун в лодку, стал в море выгребать. Вдруг смотрит — что такое? Нет впереди ни лодок, ни парней! Только косатки по морю плывут, волну рассекают, спинные плавники, как сабли, выставили, на плавниках куски тюленьего мяса торчат.

Тут и под Азмуном лодка зашевелилась. Хватился Азмун, огляделся — не на лодке он, а на спине косатки! Догадался тут парень, что не лодки на берегу лежали, а шкуры косаток. Что не парни на берегу с саблями играли, а косатки. И не сабли то, а косаток спинные плавники. «Ну что ж,— думает Азмун,— всё к Старику ближе!»

Долго ли плыл так Азмун — не знаю, не рассказывал. Пока плыл, у него усы отросли.

Вот увидел Азмун, что впереди остров лежит, на крышу шалаша похожий. На вершине острова — дыра, из дыры дымок курится. «Видно, там Старик живёт!» — себе Азмун говорит. Тут Азмун стрелу на лук положил, отцу стрелу послал...

К острову косатки подплыли, на берег кинулись, через спину перекатились — парнями стали, тюленье мясо в руках держат.

А та косатка, что под Азмуном была, назад в море повернула. Без своей сабли, видно, домой ходу нет! Свалился Азмун в воду — чуть не утонул.

Увидали парни, что Азмун барахтается в море, кинулись к нему. Выбрался Азмун на берег, парни его рассматривают, хмурятся. Говорят:

— Эй, ты кто такой? Как сюда попал?

— Да вы что — своего не узнали? — говорит

Азмун.— Я от вас отстал, пока саблю искал. Вот она, сабля моя!

— Это верно, сабля твоя. А почему ты на себя не похож?

Говорит Азмун:

— Изменился я от страха, что саблю свою потерял. До сих пор в себя прийти не могу. К Старику пойду — пусть мне прежний вид вернёт!

— Спит Старик,— говорят парни,— видишь, дымок чуть курится.

В свои юрты парни пошли. Азмуна одного оставили.

Стал Азмун на сопку взбираться. До половины взошёл — видит, тут стойбище стоит. Одни девушки в стойбище том. Загородили Азмуну дорогу, не пускают:

— Спит Старик, не велел мешать!..— Пристают к Азмуну, ластятся: — Не ходи к Тайрнадзу! Оставайся с нами! Жену возьмёшь — хорошо жить будешь!

А девушки — красавицы, одна другой краше! Глаза ясные, лицом прекрасные, телом гибкие, руками ловкие. Такие красивые девушки, что подумал Азмун — не худо бы ему и верно из этих девушек жену себе взять.

Зашевелилась тут за пазухой у него амурская земля в мешочке. Вспомнил Азмун, что не за невестой сюда пришёл, а вырваться от девушек не может. Догадался он тут — из-за пазухи бусы вынул, на землю бросил.

Кинулись девушки бусы подбирать — тут и увидел Азмун, что не ноги у тех девушек, а ласты. Не девушки то, а тюлени!

Пока девушки бусы собирали, добрался Азмун до вершины горы. В ту дыру, что на вершине была, свою верёвку с крючком бросил. Зацепил крючок за гребень горы и по той верёвке вниз полез. На дно спустился — в дом Морского Старика попал.

На пол упал — чуть не расшибся. Огляделся: всё

в доме, как у нивха,— нары, очаг, стены, столбы, только всё в рыбьей чешуе. Да за окном не небо, а вода.

Плещется за окном вода, зелёные волны за окном ходят, водоросли морские в тех волнах качаются, будто деревья невиданные. Мимо окон рыбы проплывают, да такие, каких ни один нивх в рот не возьмёт: зубастые да костлявые, сами смотрят — кого бы сглотнуть!..

Лежит на нарах Старик, спит. Седые волосы по подушке рассыпались. Во рту трубка торчит, почти совсем погасла, едва дымок из неё идёт, в трубу тянется. Храпит Тайрнадз, ничего не слышит. Тронул его Азмун рукой — нет, не просыпается Старик, да и только...

Вспомнил Азмун про свою костяную пластинку — кунгахкей,— из-за пазухи вытащил, зубами зажал, за язычок дёргать стал. Загудела, зажужжала, заиграла кунгахкей: то будто птица щебечет, то словно ручей журчит, то как пчела жужжит...

Тайрнадз никогда такого не слышал. Что такое? Зашевелился, поднялся, глаза протёр, сел, под себя ноги поджав. Большой, как скала подводная: лицо доброе, усы, как у сома, висят. На коже чешуя перламутром переливается. Из морских водорослей одежда сшита... Увидел он, что против него маленький парень стоит, как корюшка против осетра, во рту что-то держит да так хорошо играет, что у Тайрнадза сердце запрыгало. Мигом сон с Тайрнадза слетел. Доброе лицо своё он к Азмуну обратил, глаза прищурил, спрашивает:

— Ты какого народа человек?

— Я — Азмун, нивхского народа человек.

— Нивхи на Тро-мифе[1] да на Ля-ери живут. Ты зачем так далеко в наши воды-земли зашёл?

Рассказал Азмун, какое горе у нивхов стало, поклонился:

---

[1] Тро-миф — так раньше называли остров Сахалин.

— Отец, нивхам помоги — нивхам рыбу пошли! Отец, нивхи с голоду умирают! Вот меня послали помощи просить.

Стыдно стало Тайрнадзу. Покраснел он, говорит:

— Плохо это получилось: лёг только отдохнуть да и заснул! Спасибо тебе, что разбудил меня!

Сунул руку Тайрнадз под нары. Глядит Азмун — там большой чан стоит: в том чане горбуша, калуги, осетры, кета, лососи, форели плавают. Видимо-невидимо рыбы!

Рядом с чаном шкура лежит. Ухватил её Старик, четверть шкуры рыбой наполнил. Дверь открыл, рыбу в море бросил, говорит:

— К нивхам на Тро-миф, на Амур плывите! Быстро плывите, плывите! Хорошо весной ловитесь!

— Отец,— говорит Азмун,— нивхам рыбы не жалей!

Нахмурился Тайрнадз.

Испугался тут Азмун. «Ну, пропал я теперь! — думает.— Рассердил Старика. Плохо будет!» Отца вспомнил, ноги выпрямил, прямо на Тайрнадза смотрит.

Улыбнулся тот:

— Другому бы не простил, что в дела мои мешаегся, а тебе прощу: вижу, не о себе думаешь, о других. Будь по-твоему!

Бросил Тайрнадз в море ещё полшкуры рыбы всякой:

— На Тро-миф, на Амур плывите, плывите. Хорошо осенью ловитесь!

Поклонился ему Азмун:

— Отец! Я бедный — нечем мне отплатить тебе за добро. Вот возьми кунгахкеи в подарок.

Дал он Тайрнадзу пластинку свою; как играть на ней, показал.

А у старого давно руки чешутся, хочется её взять, глаз от неё отвести не может! Больно понравилась игрушка.

Обрадовался Тайрнадз, в рот пластинку взял, зубами зажал, за язычок стал дёргать...

Загудела, зажужжала кунгахкеи: то будто ветер морской, то словно прибой, то как шум деревьев, то будто птичка на заре, то как суслик свистит. Играет Тайрнадз, совсем развеселился. По дому пошёл, приплясывать стал. Зашатался дом, за окнами волны взбесились, водоросли морские рвутся — буря в море поднялась.

Видит Азмун, что не до него теперь Тайрнадзу. К трубе подошёл, за верёвку свою взялся, наверх полез. Пока лез, все руки себе в кровь изодрал: пока гостил у Старика, верёвка ракушками морскими обросла.

Вылез, огляделся.

Тюлень-девушки всё ещё бусы ищут, ссорятся, делят — и про дома свои забыли, двери в те дома мохом заросли!

На нижнюю деревню Азмун посмотрел — пустая стоит, а далеко в море плавники косаток видны: гонят косатки рыбу к берегам Пиля-керкха, к берегам Ляери, на Амур рыбу гонят!

Как теперь домой попасть?

Видит Азмун — радуга висит. Одним концом на остров, другим — на Большую землю опирается.

А в море волны бушуют — пляшет Тайрнадз в своей юрте. Белые барашки по морю ходят.

Полез Азмун на радугу. Едва вскарабкался. Весь перепачкался: лицо зелёное, руки жёлтые, живот красный, ноги голубые. Кое-как влез, по радуге на Большую землю побежал. Бежит, проваливается, чуть не падает. Вниз взглянул, видит — от рыбы черно в море стало. Будет рыба у нивхов!

Кончилась радуга.

Спрыгнул Азмун на землю. Глядит — на берегу морском, возле лодки, тот парень-косатка сидит, чью саблю Азмун утащил. Узнал его Азмун, саблю отдал. Схватил парень саблю.

— Спасибо! — говорит.— Я уж думал, век мне дома не видать... Твоего добра не забуду: к самому Амуру рыбу подгонять буду. Зла на тебя не храню: знаю теперь — не для себя ты старался, для людей.

Через спину перекатился — косаткой стал, свою саблю — спинной плавник — вверх поднял и поплыл в море.

Пошёл Азмун к Пиля-керкху, к Большому морю вышел. Чаек, бакланов встретил. Кричат те парню:

— Эй, сосед! У Старика был ли?

— Был! — кричит им Азмун.— Не на меня — на море смотрите!

А рыба по морю идёт, вода пенится. Кинулись чайки, стали рыбу ловить, на глазах жиреть стали.

А Азмун дальше идёт. Ля-ери прошёл, к Амуру подходит. Видит — нерпа совсем издыхает. Спрашивает нерпа парня:

— У Старика был ли?

— Был! — говорит Азмун.— Не на меня — на Ля-ери смотри!

А рыба вверх по лиману идёт, вода от рыбы пенится. Бросилась нерпа рыбу ловить. Стала рыбу есть — на глазах жиреет...

А Азмун дальше пошёл. К родной деревне подошёл. Нивхи едва живые на берегу сидят, мох весь искурили, рыбу всю приели.

Выходит Плетун на порог дома, сына встречает, в обе щеки целует.

— У Старика, сын мой, был ли? — спрашивает.

— Не на меня, а на Амур, отец, смотри! — отвечает Азмун.

А на Амуре вода кипит — столько рыбы привалило. Кинул Азмун своё копьё в косяк. Стало копьё торчком, вместе с рыбой идёт. Говорит Азмун:

— Хватит ли рыбы, отец мой названый?

— Хватит!

Стали нивхи жить хорошо. Весной и осенью рыба идёт!

Про многих людей с тех пор забыли... А про Азмуна и его кунгахкеи помнят до сих пор.

Как разволнуется море, заплещутся волны в прибрежные скалы, седые гребешки на волнах зашумят — в свисте ветра морского то крик птицы слышится, то суслика свист, то деревьев шум... Это Морской Старик, чтобы не заснуть, на кунгахкеи играет, в подводном доме своём пляшет.

АЙОГА

Жил в роду Сама́ров один нанаец Ла. Была у него дочка по имени Айога́. Красивая была девочка Айога. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее дочки Ла никого нету — ни в этом и ни в каком другом стойбище. Загордилась Айога, стала рассматривать своё лицо. Понравилась сама себе, смотрит — и не может оторваться, глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде.

Ничего делать Айога не стала. Всё любуется собой. Ленивая стала Айога.

Вот один раз говорит ей мать:

— Пойди воды принеси, Айога!

Отвечает Айога:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись.

— Куст оборвётся,— говорит Айога.

— А ты за крепкий куст возьмись.

— Руки поцарапаю...

Говорит Айоге мать:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся,— говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится: ах, какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

— Толстую иголку возьми,— говорит отец.

— Палец уколю,— отвечает дочка.

— Напёрсток из крепкой кожи — ро́вдуги — надень.

— Напёрсток прорвётся,— отвечает Айога, а сама — ни с места.

Тут соседская девочка говорит:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла девочка на реку и принесла воды сколько надо.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки из черёмухи. На раскалённом очаге испекла.

Увидела Айога лепёшки, кричит матери:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она — руки обожжёшь,— отвечает мать.

— А я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они — отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— говорит мать.— Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая своих рук не жалеет.

И отдала мать лепёшку соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла на реку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка сидит на берегу, лепёшку жуёт. Стала Айога на ту девочку оглядываться, и вытянулась у неё шея: длинная-длинная стала.

Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку, Айога. Мне не жалко.

Совсем разозлилась Айога. Замахала на девочку руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — как это она, красавица, надкушенную лепёшку съест! — так замахала руками, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит Айога.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась в воду Айога и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

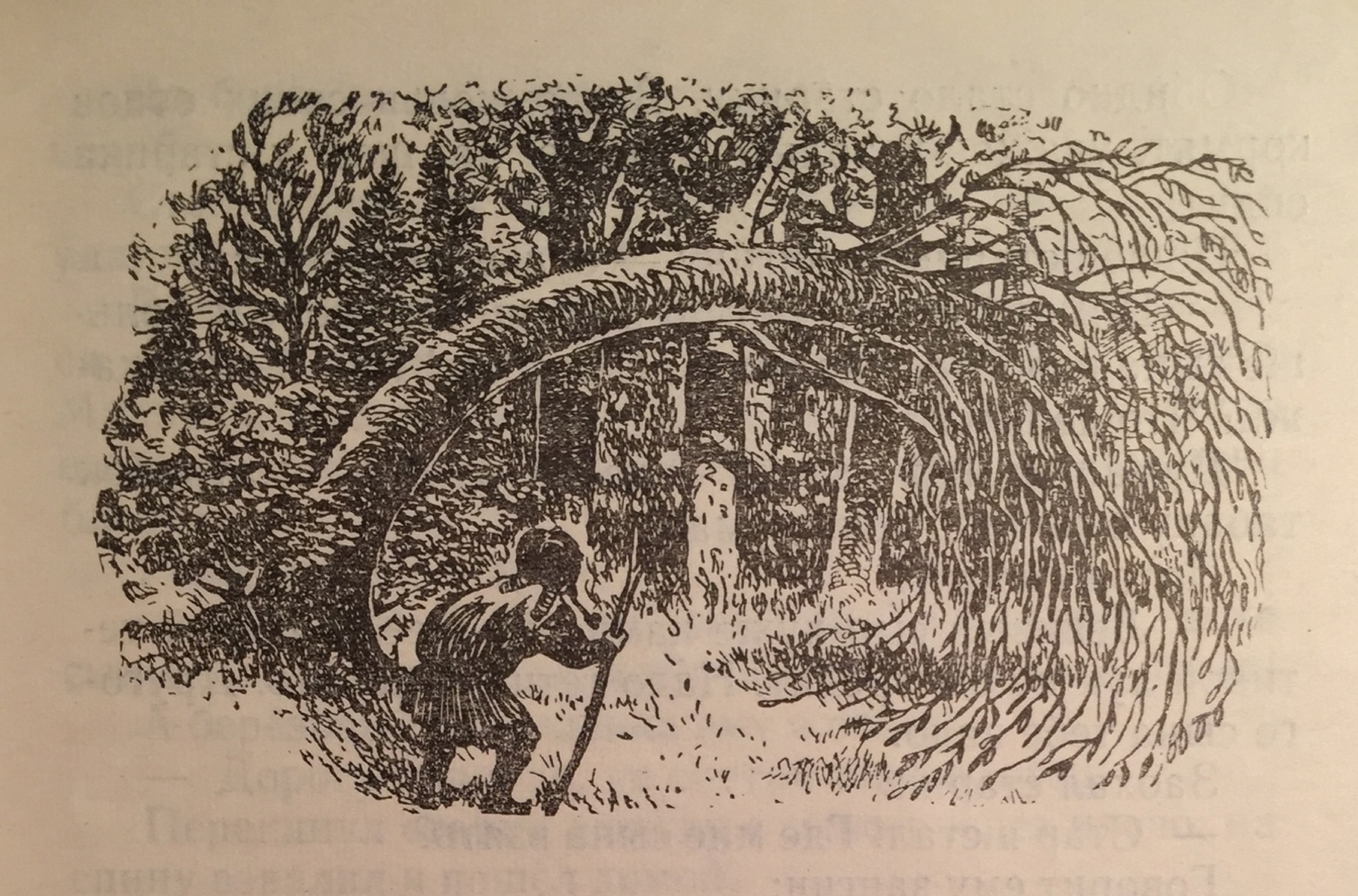
— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая! Га-га-га!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла.

Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали; и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

БЕРЁЗОВЫЙ СЫНОК

Беда, когда человек ленив да завистлив...

Жил в одной деревне старик. Был у него сын по имени Уленда. Всем Уленда был хорош: и речистый, и плечистый, и сильный, и красивый — не парень, а загляденье! Вот только работать Уленда не любил. Ничего делать не хотел.

На охоту в тайгу пойдёт — как мох увидит, так спать заляжет. Рыбачить отец Уленду погонит — сядет сын на берегу, на воду станет глазеть, так без дела и просидит целый день. Пошлёт его отец за оленями смотреть: Уленда на пенёк присядет, голову вверх задерёт, начнёт на небе облака считать,— все олени и разбредутся.

Вот и выходило, что на старости лет отец и себе и сыну еду промышлял.

Обидно стало старику. Все сыновья своих отцов кормят, уважают, только Уленда на шее у старика сидит.

Пошёл старик к зангину — судье,— просит:

— Помоги мне, мудрый зангин! Не могу я больше сына взрослого кормить. Силы нет! Как быть, скажи? Что делать?

Думал, думал зангин — долго думал: сто трубок табаку выкурил, пока думал.

Потом говорит:

— Ленивый сын хуже камня на шее. С сырой тетивой лук не выстрелит. Надо тетиву сменить. Другого сына тебе надо.

Заохал старик:

— Стар я стал! Где мне сына взять?

Говорит ему зангин:

— Иди завтра в тайгу. Там увидишь железную берёзу, что меж двух ильмов [1] растёт. Ту берёзу сруби. На той берёзе твой младший сын растёт, в люльке малой качается. Вырасти его — будет тебе помощник!

Вот пошёл старик в тайгу. Шёл, шёл, видит — верно, меж двух ильмов железная берёза стоит.

Стал старик берёзу рубить. Раз ударил, два ударил... Топор поломал, а на берёзе даже зарубки нет. Вот это берёза! Устал старик. Лёг отдохнуть и заснул.

Видит сон: подошёл будто к нему медведь и говорит:

«Направо в распадке две речки текут; в одной реке вода белая, в другой реке вода красная. Красной воды в чумашку набери, ту берёзу сбрызни!»

Проснулся старик. Поднялся. Пошёл те реки искать. Пока через буревал продирался, всю одежду в клочья изорвал: и халат, и накидку, и штаны, и унты.

В распадок спустился — верно, речки текут.

Набрал старик красной воды. Обратно пошёл.

---

[1] Ильмы — деревья семейства вязовых.

До берёзки добрался, сбрызнул дерево красной водой.

Стал старик ту берёзку рубить. Только один раз ударил — покачнулась берёзка, на землю упала.

Видит старик — в том месте, где ствол раздвоился, висит колыбелька. В колыбельке ребёнок лежит. Мальчик, ростом не больше костяной иголки. Лицо широкое, как луна; глазки чёрные, как две бусинки блестят.

Говорит себе старик:

— Ой-я-ха! Долго же мне придётся ждать, пока сын мой названый подрастёт да меня кормить будет!

А берёзовый мальчишка ему в ответ:

— Дорогу начиная, не считай шагов, отец!

Перекинул старик люльку с сыном через плечо, на спину взвалил и пошёл домой.

Шёл, шёл... Что такое? Люлька с каждым шагом тяжелей становится. Пока до деревни старик дошёл, люлька все плечи ему оттянула. Спустил старик люльку на землю — не под силу нести! Смотрит — люлька большая-пребольшая выросла. И берёзовый мальчишка сильно подрос. Из люльки вылез, старику поклонился, говорит:

— Вот спасибо, отец, что на ноги поставил меня!

Пошли они вместе.

Назвал старик младшего сына Кальдукóй.

Стали они жить: старик, Уленда и Кальдука.

Оглянуться старик не успел, как вырос Кальдука-сынок, Уленду догнал. Работает за троих. И сильный и ловкий.

Начнёт с кем-нибудь на палках драться — те и глазом моргнуть не успеют, как с пустыми руками окажутся. И стадо у него вдвое больше стало. И юколы в доме — не переесть. И пушнины и себе и на продажу — вдоволь.

А Уленда всё такой, как был. Чем больше лежит, тем ленивее становится. Лежит Уленда на нарах, а лень его всё растёт, уже в доме не помещается...

Держал старик орлов. Одного — с красным клювом, другого — с чёрным. Каждую осень брал он у орлов хвосты. До сих пор хвост красного орла Уленде старик отдавал. А как стал у него работящий сынок Кальдука — отдал старик хвост красного орла Кальдуке. Говорит:

— Кальдука меня кормит — значит, он старший.

Промолчал Уленда. Обиду перетерпел, а на младшего брата злобу затаил. Стал думать, как берёзовому мальчишке отплатить, как ему худо сделать. И про лень свою забыл: злоба его сильнее лени оказалась.

Стал Уленда у Кальдуки из капканов добычу таскать. Стал Уленда из сеток Кальдуки рыбу таскать.

Пошёл Кальдука к зангину:

— Найди вора, мудрец!

Отвечает Кальдуке зангин:

— Своего вора разве найдёшь?

Костёр развёл. На том костре кошку поджаривать стал. Закричала, перекосилась кошка.

Говорит зангин:

— Пусть у вора кривое лицо станет, как у кошки этой. Пусть будет так, как закон велит, тогда ты сам вора найдёшь.

Пошёл Кальдука домой. А Уленда в угол забился, тряпкой лицо завязал. Спрашивает его Кальдука:

— Что с тобой, брат?

— Ничего,— отвечает Уленда.— Зубы болят.

Тут ветер налетел, повязку с лица Уленды сорвал. Все увидели, что у Уленды лицо кривое. Все увидели, что он вор. Стали называть его с тех пор Уленда Кривой.

Пуще прежнего возненавидел Уленда берёзового брата. Стал день и ночь думать, как бы ему Кальдуку извести, как бы его погубить. Однако, пока жив был старик, ничего не мог Уленда сделать.

Сколько-то времени прошло — заболел и умер старик. Устроили старику похороны, поплакали. Сломал зангин копьё над стариком. В разные стороны концы

бросил, чтобы душа охотника с телом рассталась. Похоронили старика.

Қак-то говорит Уленда Қальдуке:

— Поедем, брат, на остров: сараны́ — цветка — наберём, сладких корешков поедим.

Поехали они в лодке — оморо́чке. Қ острову подъехали. Младший брат пошёл сарану собирать, далеко от берега в тайгу ушёл. Вскочил Уленда в оморочку, уехал. Брата на острове бросил:

— Пусть его птица Қо́ри съест!

В те времена на Хехци́р-горе жила птица Қори. Большая, как туча. Қогда птица Қори из гнезда вылетала, крыльями небо закрывала так, что становилось совсем темно. Беда тому, кто попадался птице Қори! Тех людей потом нельзя было нигде найти.

Походил, походил Қальдука по острову, на берег вернулся, глядит — Уленды нет. Қричал Қальдука, кричал, звал брата, звал — не отзывается тот. Поел Қальдука сладких корешков сараны и лёг. Лежал, лежал, пригрелся и заснул.

Закатилось солнышко. Птица Қори из-за Хехцира поднялась, небо заслонила — совсем темно стало. Летит птица, крыльями шумит — будто сильный дождь идёт. Свистит воздух — будто сильный ветер дует.

Проснулся Қальдука. Испугался. Схватился за лук.

А птица Қори уже над ним. Қлювом щёлкает. Глаза у неё, как два костра, горят.

Выстрелил Қальдука. Только зря — железные перья на птице. Схватила Қори Қальдуку когтями, говорит:

— Загадай мне три загадки. Если отгадаю — тебе смерть! Если не отгадаю — домой тебя отнесу!

Подумал Қальдука, подумал — согласился, загадал:

— Что, что, что такое: на скале лягушка сидит, спрыгнуть не может?

Думала, думала Қори, не могла отгадать.

Говорит тогда Кальдука:

— Это нос на лице.

Загадал Кальдука вторую загадку:

— Что, что, что такое: из одного места вышел, куда хотел — пришёл, а как шёл — не отвечает?

И опять Кори не отгадала.

— Это стрела,— говорит ей Кальдука.

И третью загадку задаёт он птице Кори:

— Что, что, что такое: сто парней на одной подушке спят и не ссорятся?

Не могла и эту загадку птица Кори отгадать.

— Это жерди на крыше,— говорит Кальдука.

Схватила тут птица Кальдуку, подняла на воздух и полетела. Долго ли летела — не знаю. У родного дома опустила Кальдуку на землю. Пришёл Кальдука домой. Увидел его Уленда, побледнел от страха, мелкой дрожью затрясся, говорит:

— Меня от острова ветер унёс. Такая буря поднялась, что не мог я выгрести...

Смолчал Кальдука.

Стали братья дальше жить. Кальдука промышляет, а Уленда Кривой на боку лежит. Злоба его не утихает. Думал он, думал и говорит Кальдуке:

— Соскучился я по нашему отцу. От людей я слыхал, что если мёртвому губы помазать слюной змеи Симу́, оживёт мертвец. Вот хорошо бы нашего отца оживить!

— А где та змея? — спрашивает Кальдука-сынок.— Как ту змею найти?

— В верховьях речки Хор,— говорит Уленда.

Оседлал Кальдука олешка, сел на него и поехал. Долго ли ехал — кто знает! На поваленном ильме тридцать раз выросли грибы за это время. Доехал Кальдука. Оленя на берегу оставил, по холке рукой хлопнул — в дерево обратил. Пошёл. До стойбища дошёл. Видит — тоже орочи живут, только печальные очень. Спросил Кальдука, почему печалятся они. Отвечают ему, что наползает на их стойбище змея

Симу, людей пожирает, юрты сжигает — и спасения от неё нет.

— Как же так? — говорит Кальдука.— Неужели никто из вас убить ту змею не может?

— Пробовали,— отвечают ему орочи,— но только как дохнёт та змея огнём, так у людей руки отсыхают. А без рук, сам знаешь, разве можно что-нибудь сделать?

Подумал Кальдука, говорит:

— Попробую я — может, у меня не отсохнут!..

Отточил он копьё, нож направил, в стойбище котёл чугунный взял и пошёл в тот лес, где змея Симу жила. Мохом обвязался. В котёл древесной смолы набрал. В речку окунулся, мокрый стал. О котёл принялся копьём стучать. Шум поднял большой.

Услыхала Симу тот шум, выползла из своей норы. Ползёт, шипит. За змеёй красный след остаётся: трава и камни горят.

Увидала змея Кальдуку, пламенем на него дохнула.

Защитил Кальдуку от огня мокрый мох. Размахнулся Кальдука изо всей силы и бросил в пасть змее свой котёл чугунный, смолой наполненный... Растопилась смола, залила Симу глотку. Забилась змея и издохла. Белая пена пошла у неё из пасти вместо огня. Набрал Кальдука этой пены и обратно пошёл.

Вдруг слышит — трещат деревья. Дымится тайга, звери оттуда бегут, и птицы стаями прочь полетели.

Говорят орочи Кальдуке:

— Беда, сынок! Ты убил Симу, теперь её брат Химу́ идёт за сестру мстить. Беда!

— Ничего! — говорит Кальдука.— Беда, когда на плечах головы нет.

Взял он семь чугунных котлов. Один другим накрыл, сам под нижний залез.

Налетел тут Химу. Всё трясётся вокруг. Земля дрожит, с неба щепки сыплются. Увидал он котлы, кинулся на них да как ударит!.. Шесть котлов головой

пробил, а седьмого не осилил — голову разбил. Зашипел Химу и пополз в тайгу — умирать! Вылез Кальдука из-под котлов. Окружили его орочи. Радуются, что такого богатыря увидали, что от змеи Симу избавились. В свой род Кальдуку приглашают, сыном хотят назвать. Девушки орочские поглядывают на него: любая замуж бы за такого парня вышла!

Говорят ему старики:

— Живи с нами.

— Нет, мне домой надо,— отвечает Кальдука-сынок.

Понравилась ему в этом стойбище девушка одна. Пошёл он с нею гулять. До берега реки дошли. На дерево сели.

Говорит Кальдука:

— Будь моей женой, девушка! Со мной поедем!

Хлопнул Кальдука рукой — обернулось дерево оленем. Полетел олень в родное стойбище Кальдуки.

Уленда дома песни поёт, думает — пропал Кальдука.

А Кальдука тут как тут, да ещё с молодой женой!

Пуще прежнего озлился Уленда Кривой на брата. Думает про себя: «Лучше — мне не быть, а Кальдуку я изведу и жену его себе заберу!»

Пошёл Кальдука к зангину — судье. Рассказал всё. Сказал, что принёс он слюну змеи Симу, чтобы отца оживить, как того Уленда Кривой хотел.

Говорит ему зангин, одну трубку выкурив:

— Ты, берёзовый мальчишка, того не знаешь, что люди по два раза не родятся. Зачем старика тревожить? И не за тем тебя Уленда посылал, а за смертью!

Взял зангин слюну змеи и бросил в реку. Забурлила река, зашипела, белый пар пошёл от воды. Множество рыбы кверху брюхом всплыло. Мёртвая рыба стала.

— Вот видишь! — говорит зангин.— Этой слюной убил бы тебя Уленда Кривой.

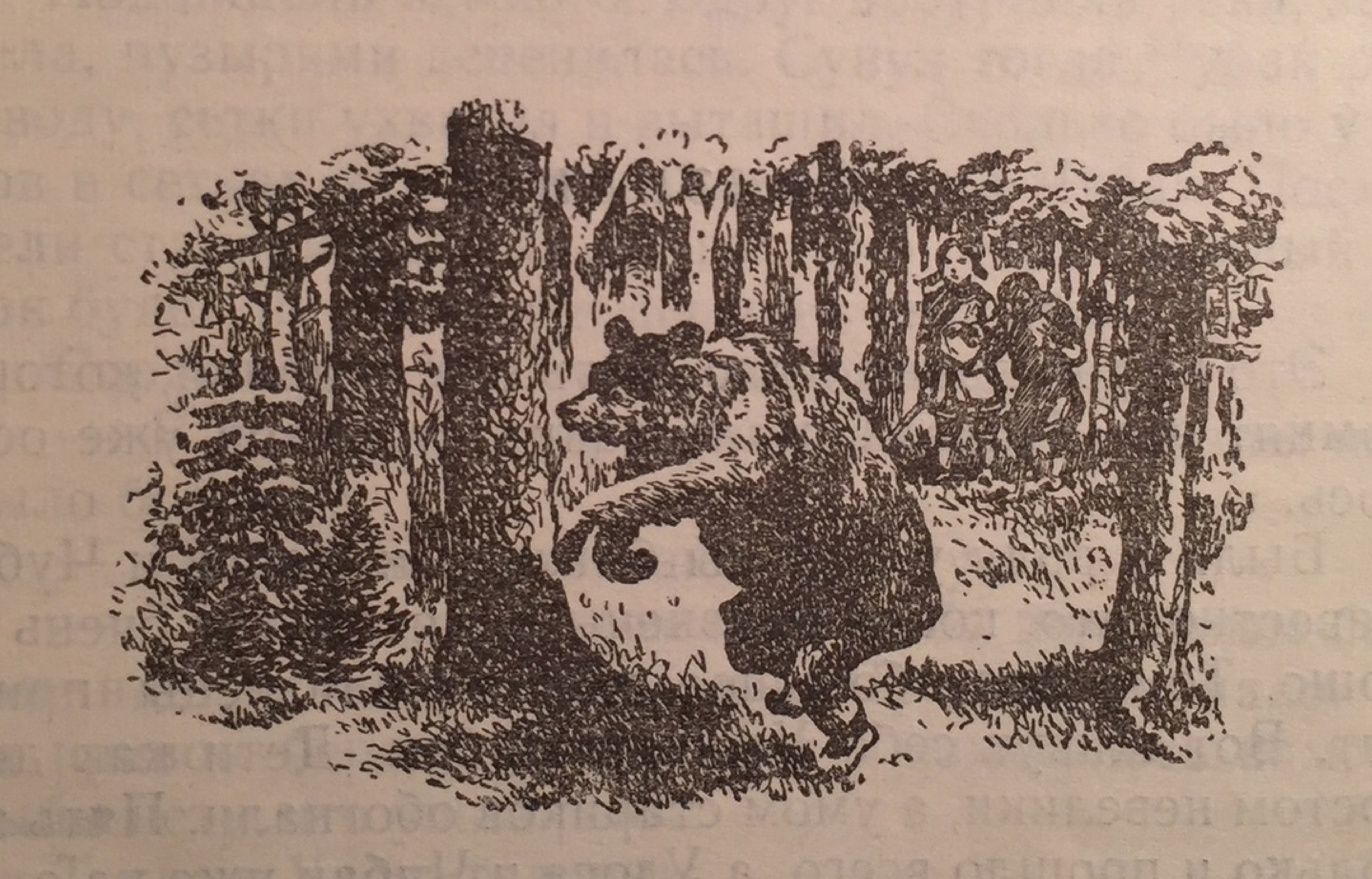
Потом посмотрел зангин на Уленду Кривого.

— Иди ты, Уленда, в тайгу,— говорит.— Не место тебе среди людей. Не любишь ты людей... Иди в тайгу. Там в одиночку таёжные люди живут. Будь тем, кто ты есть в душе.

И пошёл Уленда в тайгу. Пока шёл — шерсть выросла на нём. На руках и ногах — когти. Сначала на двух ногах Уленда шагал, потом на четырёх побежал. Медведем стал Уленда Кривой.

А Кальдука-сынок хорошо с женой зажил. Детей у него много было, и во всём ему удача...

Давно это было. Столько лет назад, что если по пальцам считать, то во всём стойбище у стариков столько пальцев не найдёшь. Надо у ребят занимать. А ребята бегают, не даются. Вот и узнай, когда это было!..

БЛИЗНЕЦЫ

Это не так давно было. Есть ещё старики, которые помнят это. Правда, мало таких стариков уже осталось.

Были в роду у Бельды́ близнецы: Удога́ и Чуба́к. Известно, что, когда близнецы родятся, это очень хорошо. Тому роду большое счастье близнецы приносят. Вот живут себе Удога и Чубак. Дети как дети, ростом невелики, а умом стариков обогнали. Пять зим только и прошло всего, а Удога и Чубак уже на охоту пошли. И всё им удавалось. И лесные и водяные люди близнецов любили, во всём братьям помогали, во всяком деле удачу посылали.

Вот случился как-то плохой год: зверя мало стало, рыба плохо шла. Стали говорить старики, что место менять надо, что на этом месте черти зверя и рыбу распугали.

Послушал Удога стариков, говорит:

— Чем место плохое?

Тетиву своего маленького лука натянул, вокруг посмотрел, в тайгу стрелу свою послал. Улетела стрела. Долго ли летала — не знаю, потом вернулась, сама Удоге в колчан легла, на старое место. А за стрелой прилетели птицы: утки, гуси, перепёлки,— и у ног Удоги легли. Посмотрели старики — все птицы в левый глаз ранены. Переглянулись. «Если так каждый раз будет, не останется деревня без мяса!»

Тут Чубак старикам говорит:

— Чем плохое место?

Бросил одной рукой сетки в воду. Потонули сетки сразу.

«Ну,— думают старики,— водяной чёрт сетки утащил!»

Подождали немного. Вдруг забурлила река, закипела, пузырями вспенилась. Сунул тогда Чубак руку в воду, сетки ухватил и вытащил. Сколько было узелков в сетках, столько рыбы вытащил Чубак. Посмотрели старики друг на друга: «Э-э, если каждый раз так будет, не останется деревня без рыбы!»

Спрашивает тут Чубак женщин:

— В прошлом году на какой стороне у кеты икры было больше?

— На левой,— отвечают Чубаку.

— Так, значит, в этом году рыба под левым берегом идёт,— говорит Чубак.— Примечать надо. Вы на правом берегу ловили, вот и показалось вам, что рыбы нету, что ушла рыба.

Тогда и Удога говорит:

— Птица и зверь за рыбой ходят. Надо было на другом берегу промышлять.

Стали старики во всём совета у близнецов спрашивать. И всё шло хорошо.

Только вскоре опять беда стряслась! Наехал с чужого берега маньчжу-нойон — начальник. С солдатами, с пушками наехал. Требует с Бельды дань —

с каждого человека по соболю, по выдре да по лисице!

Запечалились Бельды. Вовек никому дани не платили, а тут на-ко тебе... А ничего не поделаешь, у косатого маньчжу — сила! Одних солдат в два раза больше, чем всех Бельды.

Пошли старики к близнецам. Совета просят. Посмотрели Удога и Чубак друг на друга. Говорит Удога:

— Дань не платите, не маньчжурские мы люди — мы амурской земли-воды люди! Вот пойдём мы с братом к тому нойону...

Женщины в деревне плач подняли.

— Как можно! — кричат они.— Тот маньчжу-нойон — худой человек! Убьёт он наших близнецов — счастье наше убьёт!

Как ни кричали женщины, пошли Удога и Чубак к тому нойону. Сидит нойон в большом сампане — лодке расписной. На широком помосте сидит. Над нойоном шатёр шёлковый колышется. Вокруг стража стоит. У плахи палач кривой меч точит. Нойон правую руку на подушку положил. Ногти на руках у него длинные-длинные, до полу достают, загнулись, перекрутились, каждый в серебряный футляр вставлен. Чистят ногти нойону пять девушек-невольниц. Толстый писец с большой книгой у ног нойона сидит.

Увидал нойон близнецов, говорит:

— Что здесь нанайским ребятам надо?

Посмотрел писец, до земли перед нойоном склонился:

— Эти детки прибежали сказать, благородный нойон, что придут сейчас нанайские старики, ту дань принесут, что велел ты с них взять.

Ещё пуще заважничал нойон. Нос кверху задрал. В небо голубое смотрит, чтобы на нанайских стариков не глядеть, глаза себе не портить. Ждал, ждал... Шея у него заболела, а нанайских стариков всё нет.

Говорит тут Чубак:

— Не придут старики, благородный нойон! Бельды дани никому не платили. В своих реках рыбу ловили, в своей тайге зверя били, по своей земле ходили, своим воздухом дышали. Им смешно дань платить. Платить станут — смеяться будут. Так чтобы тебя не обидеть, они вовсе не пришли. А мы маленькие, мы ничего не понимаем... Вот подарки тебе принесли, нойон.

Высыпал Удога из кисета горсть амурской земли:

— Прими, нойон, горсть нашей земли, если тебе своей мало!

Вынул Чубак из чумашки глаз совы:

— Прими, нойон, и мой дар — глаз совы. Тогда и ночью ты сможешь увидеть, что на Амуре храбрые люди живут.

Вытащил Удога перо из хвоста орла с красным клювом:

— Прими, нойон, пожелание, чтобы жил ты столько лет, сколько живёт орёл, и чтобы тебя, как орла, все боялись. Только на Амуре страха перед тобой не будет!

Высыпал из чумашки Чубак горсть золы:

— Пусть обратятся в золу все твои враги, нойон! Пусть золой покроются все злые мысли против амурских людей!

Удивился нойон тому, как разговаривают маленькие нанайцы. Испугался: если дети такие, то какие же у нанайцев воины и мужчины! Виду нойон не показал, страх свой скрыл. На близнецов закричал:

— Завтра пошлю солдат своих к Бельды! Огню предам всех мёртвых, а живых мёртвыми сделаю!

Поклонился ему Удога:

— Твоя воля, благородный нойон, только завтра тебе удачи не будет. Лучше сегодня сделай то, что сказал.

Не послушался нойон. Переждал ночь. В поход собрался. Тут полил такой дождь, что берега исчезли из виду и все дороги развезло. Пошли солдаты нойона, да чуть в грязи не утонули. Порох в ружьях у них отсырел. Возвратились солдаты.

— Солнце вчера в тучу садилось,— говорит Удога,— к ливню. Примета верная!

Прошла непогода. Усеялось небо звёздами.

Говорит нойон:

— Завтра к деревням Бельды поплыву. Всех уничтожу! Всех живых мёртвыми сделаю, все дома в пепел обращу!

— Твоя воля, благородный нойон,— говорит Чубак,— только завтра тебе удачи не будет. Сделай сегодня то, что сказал.

Переждал нойон ночь. С утра велел поднять паруса на всех сампанах — плыть к Бельды.

Налетело тут от заката чёрное облако с белым венцом — и такая буря поднялась, что в жизни своей не видал нойон такой бури! Заплескался Амур. Волны до неба поднялись, облака до земли спустились. Дунул ветер один раз — все паруса на сампанах порвал. Дунул ветер второй раз — все вёсла и мачты поломал. Едва-едва сампаны целы остались. Счастье, что третий раз ветер не дунул.

Говорит Чубак:

— Вчера звёзды сильно мерцали: к буре это.

Сидит нойон сердитый. Халатом закрылся, ни на кого смотреть не хочет, никого к себе не подпускает. От злости все ногти себе переломал. Всех девушек своих разогнал. Писца своего палкой исколотил.

Подошли к нему близнецы. Говорят:

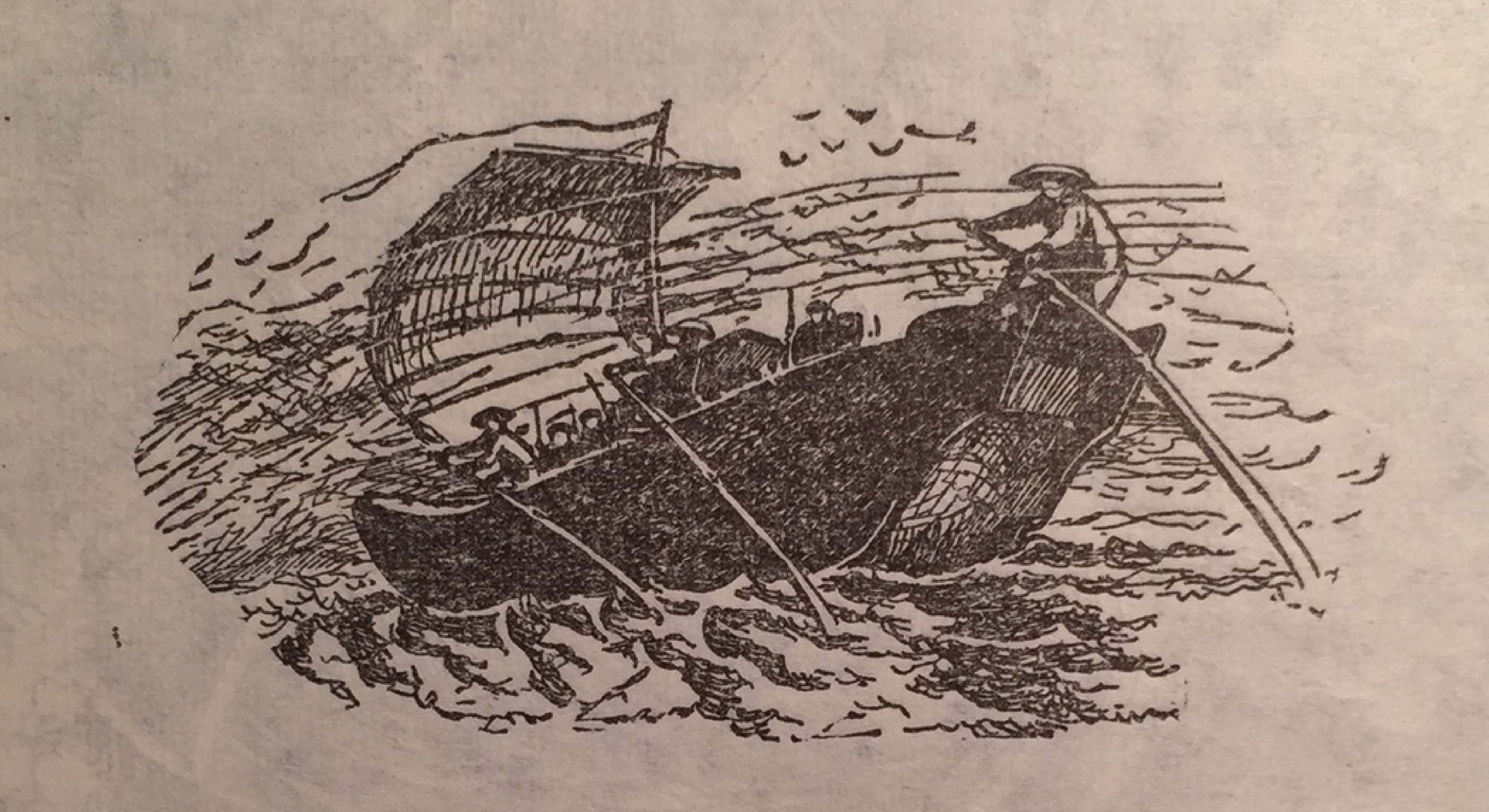
— До сих пор мы тебе говорили, благородный нойон. Теперь ты нам скажи. Вот ты видел, что мы свою землю знаем и не зря с неё дань свою собираем: рыбу, пушнину, птицу берём. Как же ты хочешь дань собирать с земли, которой ты не знаешь?

Побледнел нойон, думает: «Как справлюсь я с народом, у которого даже мальчишки такие умные!»

Поехал назад на свою сторону маньчжу-нойон.

Это не так давно ещё было. Ещё есть старики, которые тех близнецов помнят. А может быть, они о тех близнецах от своих отцов слыхали... Кто знает!

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬГА

Это случилось очень давно. Так давно, что самый старый удэ не помнит. Ему об этом рассказывал дед. А деду говорил его отец. Очень давно это было.

У одного охотника, Сольдигá, умерла жена и оставила ему дочку по имени Эльга.

Похоронил Сольдига жену, погоревал, погоревал и женился второй раз. Взял женщину из рода Пýнинга. И стали они жить втроём. Сольдига, жена его Пунинга и дочка Эльга.

Сольдига очень любил свою дочь. Делал разные игрушки: колыбельку, чумашки, мялку с колотушкой, чтобы кожу мять. Такие игрушки делал, чтобы привыкла Эльга к женской работе.

А маленькая Эльга просила отца:

— Сделай мне нарты, лук, стрелы, копьё!

Пунинга, услыхав это, сказала:

— Зачем тебе игрушки мальчика?

Отвечает Эльга:

— Вырасту, буду отцу помогать на охоте.

— Вот ещё! — сказала Пунинга.— Не твоё это дело.

Посмотрел Сольдига на дочку, видит — смелая девочка у него растёт. Сделал он дочке игрушки: маленькие нарты, лучок-самострел, копьё, маленького оленя из дерева вырезал, ездовых собачек, упряжку.

Увидела Пунинга, что не послушал её муж, и невзлюбила Эльгу. Стала обижать её, когда уходил отец на охоту. Терпела Эльга, отцу не жаловалась на мачеху, чтобы его не огорчать.

Так жили они.

Вот однажды повстречал Сольдига кабана в тайге. Долго гнал его Сольдига. Совсем загнал. Ушёл в чащу кабан и залёг.

Шёл мимо амба — тигр. Он голодный был. На кабана наткнулся — и давай его рвать! Не разглядел Сольдига, кто там копошится, метнул в чащу копьё. Проткнуло копьё кабана и задело тигра.

Рассвирепел тигр и набросился на Сольдигу. Стал охотник говорить тигру, что не его хотел он убить, в кабана метил, да не стал его амба слушать и разорвал на куски.

Узнал амба вкус человеческой крови. Стал к стойбищу ходить. Пошли на его тропу другие охотники — сородичи Сольдиги, просили не трогать их, в другие места просили тигра уйти. Но амба не слушал их. Стал по ночам приходить — свиней, оленей, собачек таскать. Маленьких детей таскать стал. Чего уж хуже!..

Не стало отца — Эльге совсем плохо пришлось! Возненавидела её Пунинга. Стала работой девочку морить. Ходит Эльга за водой, моет крупу для каши, солит рыбу, сушит юколу для собачек, мнёт шкуры,

вышивает мачехе халаты, таскает из тайги хворост для очага... А Пунинга целыми днями лежит на нарах, ест, спит, трубку курит, ничего сама не делает, всё кричит на Эльгу: «То подай, девчонка, это подай!»

Знала Эльга, что старших слушаться надо, делала всё, что ей мачеха велела. Было ей очень тяжело. Но Эльга терпела. Сама себя утешала:

— Вот вырасту — от мачехи уйду. Одна жить буду. Охотиться буду.

Не расставалась Эльга со своим копьём, потому что его отец сделал. Очень своего отца Эльга любила. Куда бы ни шла, копьё носила с собой.

Вот один раз послала мачеха Эльгу берёзовой коры надрать, чтобы новые чумашки сделать.

Пошла девочка в тайгу, отыскала хорошую берёзу, сделала два надреза, стала кору драть. Вдруг слышит — кто-то спрашивает её грубым голосом:

— Эй, что ты делаешь тут, девчонка? Чья ты?

Обернулась Эльга и увидела амбу — тигра. Уже давно у него плохая охота стала. Бока его ввалились от голода, был амба очень злой. Но Эльга не испугалась тигра. Ответила:

— Я дочь Сольдиги. А тебе что надо?

Говорит тигр:

— Растерзал я Сольдигу... и тебя теперь съем!

Закричала Эльга на тигра:

— Уходи прочь, вор!

Бросился тигр на Эльгу. А девочка — за берёзу. Наклонилась берёза, собой её заслонила. Изо всей силы ударился тигр головой о берёзу и разбил себе голову.

Замахнулась на него Эльга копьём:

— Уходи, вор, а то плохо тебе будет!

Зарычал амба так, что с деревьев посыпались листья. Прыгнул опять. Тут две берёзы сомкнулись и зажали его. Застрял амба — никак вылезти не может. Как ни бился, не может выбраться из западни — так

крепко сдавили его берёзы. Кинула Эльга в него копьё. Вошло копьё тигру в один глаз, вышло в другой. Ослепила Эльга амбу. Издох он.

Отрубила Эльга у тигра хвост полосатый и в стойбище пошла.

Видит — укладывают люди вещи во вьюки, разбирают юрты. Кочевать собрались, тигра боятся.

Говорит Эльга:

— Куда вы? Не придёт больше амба!

— Что ты знаешь, девочка! — молвил самый старый удэ.— Куда тигр пришёл раз — придёт туда и в другой. Всем нам смерти не миновать!

Эльга полосатый хвост тигра старикам показала:

— Говорю, что больше амба сюда не придёт! Вот я у амбы хвост отрубила.

Испугались удэ.

— Что ты наделала, девочка! — закричали они.— Амбу нельзя убивать. Теперь его дух будет ходить в стойбище по ночам и всех нас погубит! Тайга придёт в наше стойбище — все тропинки зарастут травой. Болото покроет это место...

Говорит Эльга:

— Я знаю закон охотников. Я два раза просила амбу уйти. Он не послушал.

— Ну, тогда — другое дело,— говорят старики.— Амба сам виноват!

Откочёвывать удэ не стали. Стали девочку хвалить.

Обидно Пунинге, что не её хвалят. Совсем озлилась на Эльгу. Что ни сделает девочка, всё не может Пунинге угодить. Вымоет Эльга крупу, станет кашу варить — подойдёт мачеха, выбросит крупу, снова заставит мыть. Вышьет Эльга халат — мачехе не по нраву.

— Что ты делаешь, косорукая! — говорит она.— Разве так вышивают? Распори всё да заново сделай. Да покрасивее, да поярче, да позатейливей!

Кричит Пунинга, ругается. Заплакала Эльга, из

юрты на берег реки пошла, села там, где папоротники росли. Села и плачет. Зашумели папоротники, зашевелились.

Один папоротник Эльгу спрашивает:

— Что ты плачешь, маленькая?

Рассказала Эльга, как тяжело ей жить. Погладил её папоротник своими мохнатыми листьями, говорит:

— Не плачь, маленькая! Этому горю легко помочь. Мы тебе поможем.

Стал тут папоротник на помощь Эльге все цветы и травы созывать. Потянулись к халату всякие травы и цветы. Улеглись на него, завитками разными закрутились. И такой красивый узор на халате сделался, какого ещё ни разу Эльга не видала!

Собрал тут папоротник все слёзы Эльги, окропил ими халат, и весь узор тот на халате остался.

Говорит папоротник Эльге:

— Жалко мне тебя, Эльга! Так мачеха тебя обижает, столько плачешь ты, что твоими слезами вся земля тут пропиталась, на твоих слезах и мы выросли. Вот помогли мы тебе чем могли...

Понесла Эльга халат в стойбище.

Жило там много хороших вышивальщиц. А увидали они узор на халате Эльги — от зависти и удивления рты раскрыли. Не было такого халата ещё никогда!

А Пунинга ещё больше озлилась на Эльгу.

— Хочу халат, шитый оленьей шерстью! — говорит она.

А дело было летом. В это время у оленей шерсть короткая. Откуда длинную шерсть для вышивания взять?

Походила Эльга по стойбищу, попросила у соседей, но никто выручить её не мог.

Села Эльга и заплакала опять. Стала перебирать свои игрушки, отца тёплым словом вспомнила и ещё пуще залилась слезами.

Вдруг игрушечный олень, которого Эльге отец сделал, говорит девочке:

— Не плачь, хозяйка, этому горю можно помочь!

Встряхнулся олень. Маленькими ножками о пол топнул и стал расти. Рос, рос — большой вырос. Густой белой зимней шерстью оброс. Сбросил шерсть с себя. И опять маленьким стал.

Сделала Эльга новый халат. Все руки себе шерстью исколола. И опять мачехе не угодила.

Говорит Пунинга:

— Не ты это делаешь! Кто-то тебе помогает... Только зря всё это. Ты так не вышьешь, как я умею. Вот вышью я сама себе халат, тогда увидишь ты, как надо работать! Сбегай в стойбище у реки Анюй. Там моя бабушка живёт. Попроси у неё мою иголку. Да к утру смотри вернись!

А до стойбища на реке Анюй далеко — несколько дней добираться надо.

Что делать Эльге? Опять она загрустила. Игрушки свои перебирает, тёплым словом отца вспоминает. Вдруг слышит голос:

— Не печалься, маленькая хозяйка, мы-то на что?

Оглянулась Эльга. А перед ней целая упряжка собачек стоит. Двенадцать собачек, одна другой красивее! Пушистыми хвостиками виляют. Тоненькими ножками постукивают. Шёрстка на них белая, глазки у них жёлтые, носики чёрные. Удивилась Эльга.

— Откуда вы? — собачек спрашивает.

А те в ответ:

— Разве ты не узнаёшь, Эльга? Сольдига сделал нас.

Посмотрела Эльга — а вместо игрушечных собачек живые стоят, настоящие. Услыхали они плач хозяйки и ожили.

Запрягла своих собачек Эльга в нарты, села. И помчались собачки вскачь. Лес не лес, река не ре-

ка — летят напрямик! Девочка глаза закрыла. А собачки до облаков уже поднялись. Открыла Эльга глаза. Видит — светло кругом... Облака, будто пушистый снег, вокруг лежат. Взяла Эльга остóл-погоны́ч, стала править нартами.

— Тах, тах! — кричит.— Поть-поть-поть!

Только клочья облаков летят из-под ног собачек. Не успела Эльга устать и замёрзнуть не успела, как до анюйского стойбища собачки её домчали.

Слезла Эльга с нарт. Бабушку Пунинги разыскала. Лежит старуха больная, неумытая, нечёсаная. Пожалела Эльга старого человека — умыла, гребешком причесала, корешок женьшеня отыскала, бабушке пожевать дала. Съела бабка корешок, здоровой стала. Говорит Эльге:

— Спасибо тебе, девочка! Хорошая ты! Ты мне добро сделала. И я тебе добром отплачу. Не иголка моей внучке нужна, а гибель твоя. Дам я тебе иголку, только смотри: будешь иглу отдавать — ушком к себе держи.

...Солнце только-только из моря вылезло, а Эльга на своих собачках уже домой вернулась.

Сидит мачеха злая-презлая.

— Ну,— говорит,— где моя иголка?

— Вот она,— говорит Эльга.— Вот иголка.

Стала она иголку мачехе отдавать. Вспомнила, что старуха ей говорила. Повернула иголку ушком к себе, остриём — к мачехе.

А иголка оказалась не простая. Только Пунинга её в руки взяла, как иголка между пальцами её принялась сновать, прошила ей пальцы насквозь, друг к другу ей пальцы пришила. Как ни билась Пунинга, не могла палец от пальца отделить.

— Ну, перехитрила ты меня, девчонка! — говорит она Эльге.

Поняла тут она, кто Эльге помогает. Дождалась, когда Эльга уснула. Развела огонь в очаге. Побросала в огонь все игрушки, что Эльге отец сделал. Оленя

бросила, собачек побросала. Стали они гореть. Только одна собачка выскочила из огня, бросилась к Эльге, носиком её толкнула, разбудила:

— Беда, Эльга! Мачеха хочет всех нас убить! Бежим!

— Куда бежать? — спрашивает Эльга.

— Туда бежать, где мачехи нет,— отвечает собачка.

Выскочила Эльга из юрты, собачка — за ней.

Увидала Пунинга, погналась вслед.

В это время луна взошла. Лунная дорожка протянулась по реке. Побежали Эльга и собачка по той дорожке, словно по льду. Кинулась за ними и Пунинга. Только под ней та дорожка сломалась — её не выдержала. Упала мачеха. Схватила маленькое копьё Эльги. Метнула копьё вдогонку Эльге. Долетело копьё до дочки Сольдиги, говорит:

— Ну, прощай, маленькая хозяйка! Теперь расстанемся мы!

Повернуло копьё обратно. Долетело до мачехи. Вошло ей в один глаз, вышло в другой — и в пыль разлетелось. Стали у Пунинги глаза большущие, как плошки. Замахала Пунинга руками, а они у неё крыльями стали. На ногах у мачехи длинные когти выросли. Стала мачеха совой пучеглазой. Хотела домой вернуться, да понесли её крылья в тайгу. Села мачеха на дерево и закричала:

— Пу-нин-га! Пу-нин-га!

Так сова и до сих пор кричит.

А Эльга с собачкой бежали, бежали по лунной дорожке и добежали до луны. Хотела девочка назад вернуться, а тут светать стало — исчезла та дорожка. И девочка с собачкой остались на луне.

Эльга под утро на землю сходит. Заходит во все жилища, ищет копьё Сольдиги, осматривает всё. Освещает оружие — нет ли там копья Сольдиги. И если заметит, что кто-нибудь из ребят спит со слезами на глазах, Эльга вытирает слёзы и дарит

хороший сон, чтобы обиду ребёнок забыл. Оттого ребята обиды не помнят.

Но когда сова в тайге закричит своё: «Пу-нин-га! Пу-нин-га!» — тогда Эльга быстро мчится обратно.

Её можно увидеть, если ночью раскрыть глаза, когда лунный свет коснётся их.

КИЛЕ БАМБА И ЛОЧЕ-БОГАТЫРЬ

Наверное, не так давно это было. Жил на Амуре Килé Бамбá — нанайского народа человек, силы богатырской человек Киле Бамба.

От простой женщины родился Киле. Только, видно, добрые черти ему помогали, что быстро он вырос. Ещё соску Киле сосал, а уже со зверем схватился.

Ушла как-то мать из дому. Дверь бревёшком припёрла, чтобы не открылась. Сколько времени по соседкам ходила — не знаю, а только через раскрытое окно вскочил в дом Бамбы тигр.

Услыхали соседи рёв тигра. Услыхали, как заплакал маленький Бамба. Кинулись родичи кто куда: как же можно не бежать, коли в деревню тигр пришёл!

Поплакал Бамба и затих.

«Ну,— думают родичи,— пропал маленький Бамба, утащил его тигр в тайгу!»

Прибежала мать домой.

А Бамба на спине лежит, носом пузыри пускает,

полосатым тигриным хвостом играет. А тигр рядом с его люлькой лежит: задавил его маленький Бамба. Вот так Бамба!

Увидал он мать, вытащил соску изо рта.

— Ну беда,— говорит,— сколько зверей развелось, спать не дают, в окна прыгают! Видно, придётся мне,— говорит,— за них самому взяться, коли нет в деревне мужчин!

Встал Бамба на ноги. Отцовское копьё в руки взял, прикинул.

— Маловато! — говорит. Обеими руками за копьё взялся, нажал, пополам сломал.— Плоховато! — говорит.

В тайгу пошёл, левой рукой молодую лиственницу взял, набок свернул, с корнем вырвал, сучья ободрал, землю отряхнул, попробовал — удобно ли?

— Легковато! — говорит.— Ну, да раз другого нет, ничего не поделаешь — и это пригодится.

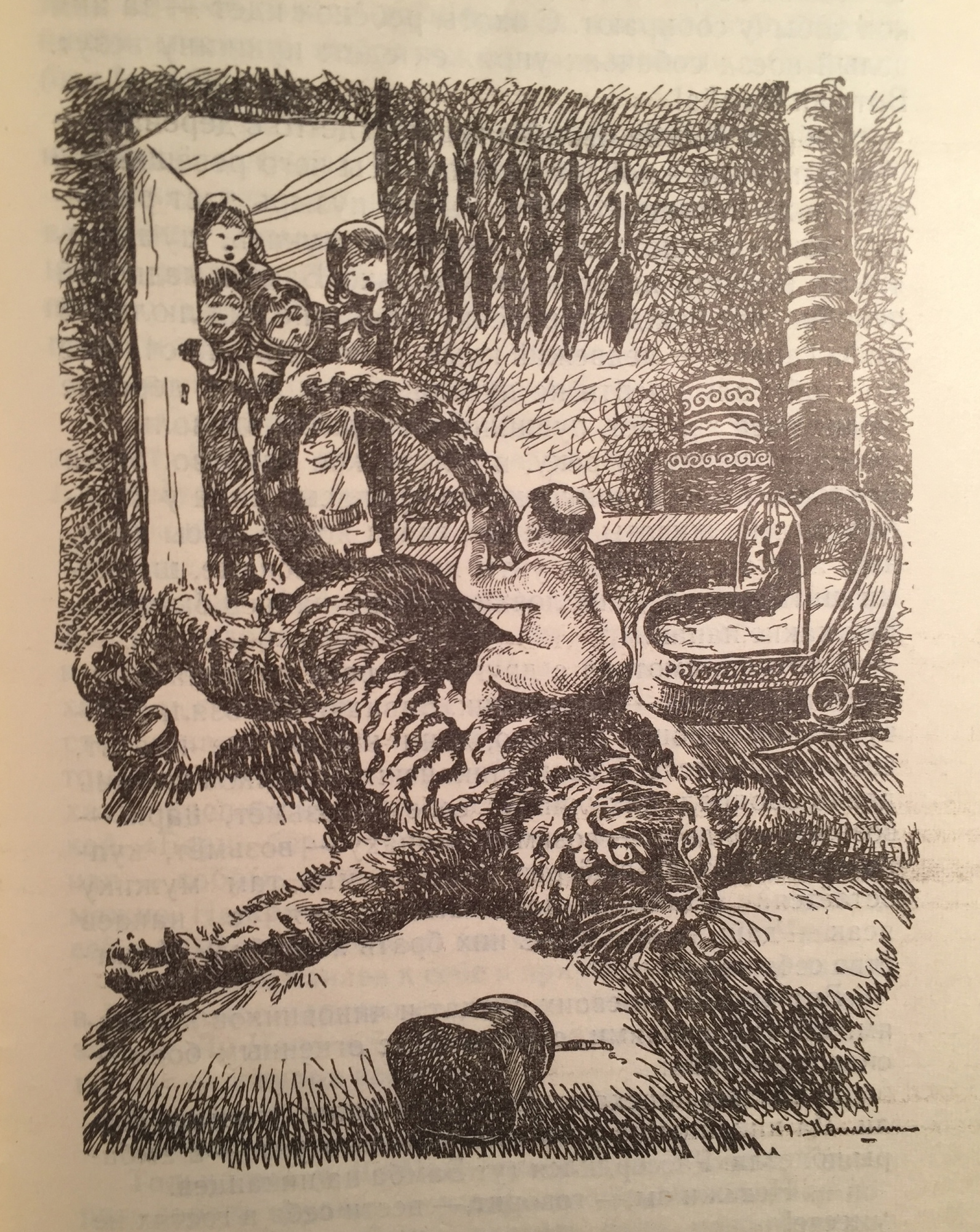
Смотрят на него родичи, диву даются: в кого уродился? Не было ещё таких нанаев. И уже не Киле Бамба его называют, а Мерген Бамба — богатырь Бамба.

А Бамба такой охотник стал, что лучше и быть не может. Бамба только из дому выходит, ещё на охоту собирается, а за девятью сопками, за девятью озёрами звери в норах просыпаются, с детками прощаются, знают — от Бамбы не уйти!

Бамба острый глаз имеет: один раз взглянет — сразу скажет, сколько серебристых волосков на спине у чернобурки, сколько белых у неё в хвосте. Бамба острый слух имеет; прислушивается, говорит: «За девятью реками да за девятью ручьями соболята пищат. Значит, там ставить капкан надо».

Бамба силу имеет: сто дней без отдыха зверя добывает, одну ночь проспит—и ещё сто дней зверя бьёт.

Бамба ест здорово: утром — косулю, на обед — сохатого, за ужином медведя съедает! По животу себя погладит: «Съел бы ещё, да на завтра оставить надо!»

Бамба зверя бьёт, один стреляет — десять охотников добычу собирают. С охоты ребёнок идёт — за ним целый поезд собачьих упряжек едет: пушнину везут. Вот так Бамба!

Добрый Бамба был. Услышит, где-то в деревне ребёнок плачет,— пойдёт скажет: «Ты чего ревёшь? На́ тебе лаха пукани́. Играй». Рыбий пузырь даст ребёнку; станет тот по пузырю ладонью стукать, шум поднимет, плакать перестанет. Столько Бамба медведей перебил, что каждому ребёнку в деревне над люлькой мафа гарани — медвежий клык — повесил, на счастье да чтобы злые черти не пугали. Сыты все в деревне были: мяса хватает, пушнина есть, рыбы вдоволь.

Ездят нанаи за реку, в Никанское царство. Меха продают. Халаты покупают да припасы. Лица у нанаев круглые, животы толстые, глаза ясные, косы красным жгутом оплетены, унты на них красивые, шелками шитые, руки у них ловкие, ноги у нанаев быстрые. Вот какие нанаи!

Смотрел, смотрел с другого берега на нанаев никанский амбань — начальник. Завидки его взяли: живут нанаи хорошо, дружно, дани никому не платят, всё у нанаев есть. А своих никанских мужиков амбань давно ободрал как липку: себе — возьмёт, царю — возьмёт, солдату — возьмёт, монаху — возьмёт, купцу — возьмёт да ещё раз себе, а что там мужику остаётся? «Дай,— думает амбань,— я с нанаев ясак — дань — возьму! С них брать ясак буду, богатство себе наживу».

Вот послал он своих солдат и чиновников к нанаям. Едут: с саблями, с копьями, с огненным боем — сила несметная!

К нанаям приехали. Те гостям рады, угощать стали. Да никанцы на угощение и не смотрят — в амбары полезли. Рассердился тут Бамба на никанцев.

— Невежи вы,— говорит,— вести себя в гостях не умеете!

А солдаты маньчжу-амбаня — косатые были.

Похватал их Бамба за длинные косы, всех вместе теми косами связал да и бросил в воду. Поболтались никанцы в воде, поболтались да и утонули... Сильный был Бамба!

Сколько раз маньчжу — амбань никанский — своих солдат посылал, а обратно их так и не дождался.

Понял тут амбань, что силой амурских людей не возьмёшь. Думать стал, всех своих мудрецов и чиновников созвал, чтобы думали, как с амурской земли поживу взять. Думали, думали никанские мудрецы и придумали.

Говорит амбаню самый старый:

— Солдат не посылай: солдат мечом, а не головой думает. Пошли купца к нанаям. Купец — что паук: присосётся — не оторвётся, пока всю кровь не выпьет!

Так и сделал амбань. Послал к нанаям купца Ли-Чана.

Приехал Ли-Чан к нанаям на Амур. Как лисица Ли-Чан: слова хорошие говорит, три короба всякой всячины сулит. Язык у Ли-Чана без костей — словно хвост у лисицы по ветру стелется. Приехал купец — стал нанаям товары в долг давать: «Бери, бери — потом сосчитаемся!» Кому — бусы, кому—котёл, кому— халат расписной, кому — серьги, кому — крупы с мукой. «Бери, бери — посчитаемся потом!» Видят нанаи — добрый купец. Видят нанаи—с Ли-Чаном жить можно. Не кричит купец, не грозит, ногами не топает, всё с улыбочкой делает, всё посмеивается Ли-Чан.

Так купец нанаев к себе и приучил. Не стали нанаи в Никанское царство ездить, не стали товары привозить, у Ли-Чана всё, что надо, покупают. Что ни попросят — у купца всё есть.

Вот пришло время Ли-Чану долги платить.

Потащили нанаи Ли-Чану меха.

Только всё у Ли-Чана сразу дорого стало. Говорит: дорога трудная — товары возить, разбойники по дороге шалят; амбаню платить надо, разбойникам платить надо, царю никанскому платить надо.

Отдали нанаи всю пушнину, а долг не покрыли. Остались у Ли-Чана в долгу. Ну, нанаи народ такой — долг прежде всего отдать надо! И стали нанаи за тот долг работать. Что в тайге ни добудут — Ли-Чану тащат. Что в реке ни выловят — к нему же. Приехал Ли-Чан к нанаям тонкий, как червяк,— стал Ли-Чан толстый, как боров! Зато нанаи стали тощать. Всё никак долг отработать не могут...

Думали, думали, к Киле Бамбе пошли...

— Вот какое дело,— вздыхают,— никак долг отдать не можем! Видно, чёрт в это впутался. Сначала Ли-Чан одну шкурку за одну считал. Потом Ли-Чан две шкурки за одну считать стал. Теперь три считает Ли-Чан за одну. Как быть?

Пошёл Бамба к купцу. Рассердился, стал спрашивать: как так получается? А Ли-Чан ему эрэнте́ — книгу — показывает, все долги в той книге записаны. Смотрит Бамба — не понимает тех значков, что в книге записаны, а видит — верно, что-то есть. Если столько долгов, сколько значков,— не выбраться нанаям из долга. И не подумал Бамба, что в той книге обману больше, чем долгов. Стал Бамба нанаев спрашивать, что брали. Отвечают ему: «Халат взял, крупу взял, водку взял... а что дальше было—не помню!» Что до водки берут — помнят нанаи, что после — не помнят, всю память та водка нанаям отшибает...

Стал Бамба родичам помогать.

Родичей из беды не выручил, а сам в неё попал, сам в долгу у Ли-Чана оказался. Как получилось это — не знает Бамба.

«Видно, не купец Ли-Чан, а чёрт,— думает Бамба.— Как это у него три шкурки за одну идут, непонятно!»

К шаману Бамба пошёл про купца спросить. А шаман пьяный-препьяный сидит, едва языком ворочает. Послушал он Бамбу, послушал и говорит:

— Правда твоя! Чёрт Ли-Чан! Вот смотри, какую мне водку дал: три дня назад я выпил и до сих пор

пьяный. Разве может простой человек такое сделать? Конечно, чёрт этот Ли-Чан!

Ну, а против чёрта что может охотник сделать? Ничего!..

Говорит Бамба шаману:

— Пошамань! Прогони того чёрта Ли-Чана! Совсем отощали нанаи, всё к нему несут. Скоро помирать будут!

Отвечает шаман:

— Против Ли-Чана шаманить не могу. Он такой чёрт, что с ним не справлюсь,— не нанайский, а никанский чёрт! Амба-амбани он — чертовский чёрт! Ты ему больше пушнины давай.

— В заповедные леса пойду зверя бить,— говорит Бамба.— На Сихотэ-Алиньские горы пойду, тигра, барса, рысь возьму!

— Нельзя туда. Охоться здесь,— говорит шаман.— На Сихотэ-Алине горные черти живут. Удэгейский Какзаму те горы сторожит, в камень людей превращает!

— К Большому Морю пойду! Сивуча, тюленя, нерпу возьму,— говорит Бамба.

Замахал на него шаман обеими руками:

— Здесь охоться! На Большом Море водяной чёрт — Ганка — живёт. Человека туловище у него, рыбий хвост у него, не рука, а железный крючок у него из воды торчит. Тем крючком он людей хватает!

— На болота пойду: выпь, цаплю, утку возьму,— говорит Бамба.

Плюётся шаман:

— Здесь охоться, говорю! На болоте чёрт Боко живёт, одноногий. Запутает тебя в болоте, в трясину утащит. Будешь потом в трясине лежать да пузыри пускать!

— На гольцы-солонцы пойду,— говорит тогда Бамба.— Сохатого, косулю добуду!

Трясётся шаман:

— Здесь охоться, говорю! На гольцах-солонцах

Агды — гром — живёт. Каменным топором деревья рубит. Как ударит — человека в пыль обратит!

— На Мылки-озеро пойду, бобра, гусей бить буду!

У шамана пена изо рта хлещет от злости на Бамбу:

— Химу-амба, самый страшный чёрт, в озере том живёт! Как человека увидит, из озера выползает, под ним трава и камни горят! Дохнёт Химу огнём на тебя — сгоришь, и никто не узнает!

Опустил голову Киле Бамба. Задумался. Вот тебе и богатырь Бамба! Кругом черти. И все — сильнее Мергена. И сила ему ни к чему. Ой-я-ха! Совсем худо...

— Охоться, как охотился,— говорит шаман.— Ли-Чану пушнину таскай. Он тебе водки даст — всё горе забудешь.

Не хочет к Ли-Чану Бамба идти. Пошёл куда глаза глядят...

Три ручья перешёл, шесть озёр обошёл, девять сопок перевалил. Место выбрал, шалаш построил, костёр развёл. В шалаше лёг. Горькую думу стал думать:

«Зачем человеку сила богатырская, коли от чертей житья не стало. Мало того, что в лесу черти, в тайге черти, в горах черти, в реке черти, так и в деревне теперь Ли-Чан есть! Где бы силу такую найти, чтобы всех этих чертей перебить, чтобы людям жить можно было?»

Заснул Киле Бамба. Спит, во сне слышит — кто-то идёт с верховьев Амура. Тяжело ступает, тайгу под себя подминает, из земли воду выжимает. Вскочил Бамба, на лук стрелу наложил, свой нож вытащил. Кто идёт?

Тут выходит из-за деревьев человек. Не видал таких Бамба раньше: лицо белое, глаза голубые, волосы жёлтые, как золото, борода большая. Одет не по-амурски. В руках палка железная.

«Ещё один чёрт пришёл!» — думает Бамба.

А человек говорит ему:

— Ты почто за лук держишься? Али меня стрелять хочешь? Я тебе друг, а не враг. Да и что ты со своим луком противу меня? Давай потягаемся — кто дальше выстрелит.

Какой богатырь от спора откажется!

Приосанился Бамба: дальше его никто во всей деревне не стрелял! Видит — за тремя ручьями заяц бежит. Стрелу выпустил Бамба — к сосне зайца пригвоздил.

— Хорошо! — говорит человек с жёлтыми волосами.

Теперь тот человек свою палку поднял.

— За шестью ручьями,— говорит,— сейчас белка с дерева на дерево прыгнуть хочет — её убью.

Прицелился своей палкой, глаз голубой прищурил. Ка-ак грохнет что-то — будто гром загремел, по сопкам пошёл перекатываться!

Упал Киле Бамба на землю, забоялся.

— Ой, Агды — гром,— говорит,— меня не тронь!

— Не Агды это, а я,— смеётся тот человек.

Глядит Бамба — та белка уже на боку лежит.

— Твой верх,— говорит Бамба.— Давай поборемся.

Вот скинули они одежду, за пояса взялись. Стали бороться. Никто верх не берёт. Никто другого на землю положить не может. Изловчился Бамба, хотел того человека через спину перекинуть, а тот поднял Бамбу на воздух да и не пускает. Держал, держал...

Потемнело в глазах у Бамбы, говорит он:

— Пусти на землю, я не птица. Без земли худо мне. Твой верх... Давай поспорим, кто лучше спляшет.

Стал Бамба плясать. С утра начал; пока солнце не закатилось, всё плясал. Ещё никто так на Амуре не плясал!

А тот человек крякнул, на ладони поплевал и пошёл в свой черёд. Ночь плясал, день плясал; вторая ночь настаёт, а он всё пляшет... Только треск по долине идёт да топот слышен, вода из реки выплёскивается,

земля трясётся, пыль столбом стоит, звёзды застит...

— Эй, друг,— кричит Бамба,— довольно! Твой верх!

А тот человек ещё три дня да три ночи плясал да сам себя по пяткам ладонями прихлопывал. Потом перестал, говорит:

— Это не пляска! Вот в молодости я плясал!..

«Плохой человек разве так спляшет? — думает Бамба.— Сила у него в руках есть, глаз у него зоркий, нрав весёлый — чем не друг!»

Стали они побратимами.

— Я Киле Бамба,— говорит нанай.

— Я Иван Русский, а по-вашему — Ло́че.

— Ты в своей земле богатырь? — говорит Бамба.

А Лоче рукой отмахивается.

— Какой я богатырь! — говорит.— Вот за мной богатыри идут, а я просто младший сын у моей матушки.

— Сюда пришёл зачем? — спрашивает Бамба.

— Жить буду. На этой земле отцы мои давно жили.

— Худо тут,— нанай говорит.

— А что? Земля, что ли, плохая? — спрашивает Иван. Ком земли взял, в руках растёр, понюхал: — Хороша земля!

— Чертей много развелось,— говорит Бамба,— жить не дают!

Рассказал Бамба о своём горе Ивану — как черти его по рукам и по ногам опутали, силы богатырской лишили.

— Ничего,— говорит Иван,— был бы свет в очах, а на чертей управу всегда найти можно!

Вот пошли они в деревню. А нанаи совсем бледные ходят — есть нечего. Только Ли-Чан на пороге дома своего сидит — жирный да красный, как клещ.

— Этот, что ли, чёрт-то? — спрашивает Иван.

— Этот, этот!

Пошли Иван да Бамба по амбарам. Стоят амбары пустые, только паутина в углах. Ту паутину собрал Иван, в комок скатал. К Ли-Чану пошёл.

— Давай эрэнте — книгу,— говорит.— Где тут записано, сколько мой друг Бамба тебе должен?

Достал Ли-Чан эрэнте — книгу, раскрыл, толстым пальцем в книгу тычет.

Взял книгу Иван, говорит:

— Если верно Бамба должен — слово его крепкое, его и огонь не возьмёт! Если обманул ты Бамбу — сгорит твоё слово!

Бросил книгу в костёр. Сразу книга пламенем взялась, сгорела. Кричит Ли-Чан, ногами на Ивана топает. Взял тут Иван паутины комок, что в амбарах нанаев собрал, да и кинул Ли-Чану в рот. Похудел сразу Ли-Чан, съёжился, маленький стал, в паука обратился. Бросил его Иван в реку, и поплыл Ли-Чан к своему маньчжу-амбаню, хозяину своему.

Ходят нанаи голодные.

Вынул Иван из-за пазухи зёрна малые, в землю бросил. Полезла из земли зелёная трава. Пожелтела. В колосьях у неё жёлтые семечки набухли. Взял те семечки Иван, между камнями размолол — белая пыль из тех семечек стала. Ту пыль с амурской водой Иван смешал — тесто сделал. Из того теста лепёшек напёк. Нанаям дал: «Ешьте!»

Съели нанаи. Вкусно! Тут сразу у них столько силы прибавилось, сколько никогда после пищи не прибавлялось.

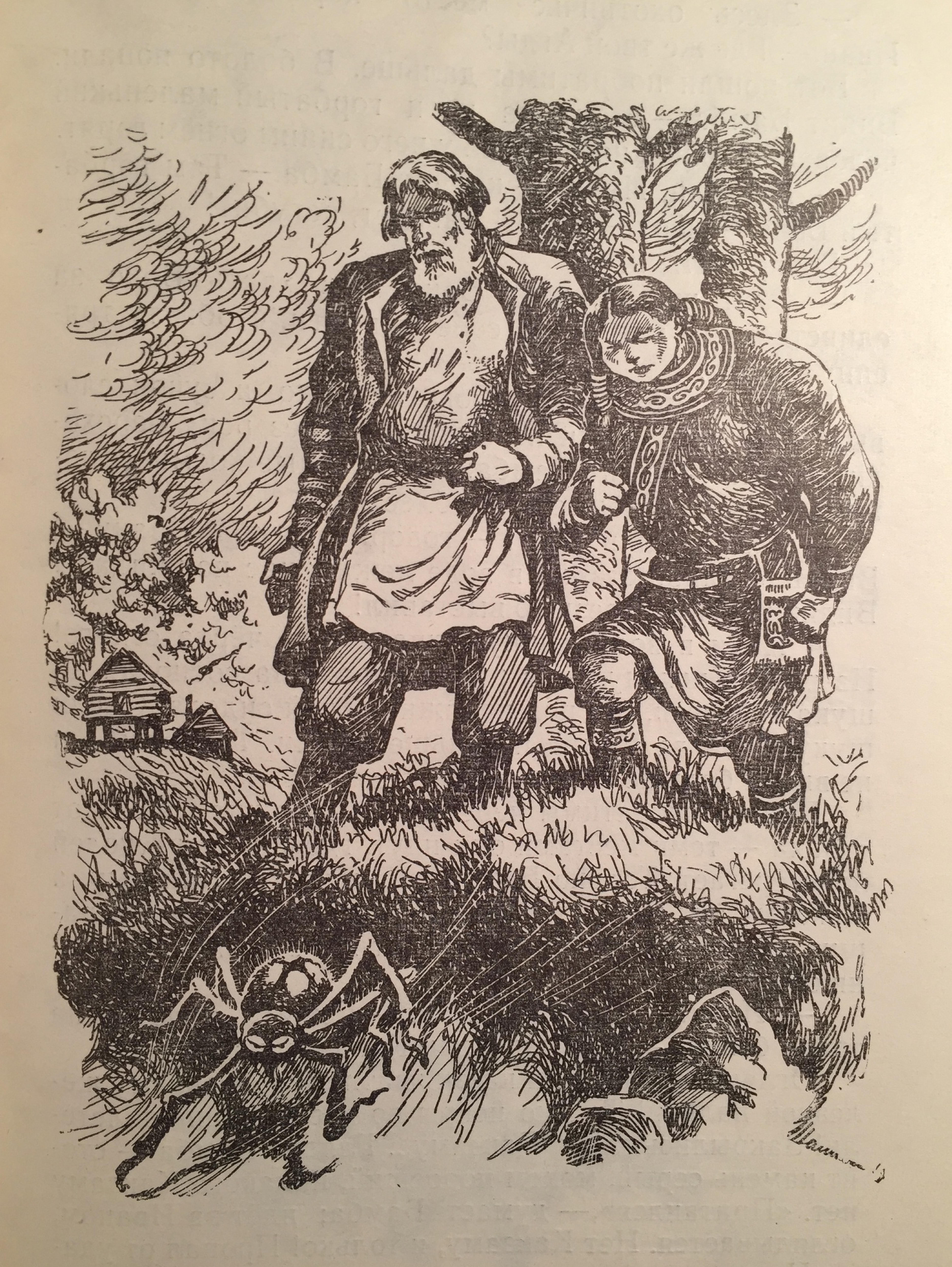
На охоту нанаи пошли.

И Бамба с Иваном на охоту пошли.

— Хочу сохатого добыть,— говорит Иван.— Пойдём на гольцы-солонцы!

— Там Агды — гром — живёт,— говорит Бамба.

Не испугался Иван. А от побратима как можно отстать — лицо потеряешь! Пошёл и Бамба. Стал Иван из своей палки палить — такой гром поднял, что Агды из тех гольцов улетел.

— Здесь охотничье место хорошее,— говорит Иван.— Где же твой Агды?

Вот пошли побратимы дальше. В болото попали. Видит Бамба — стоит на пути горбатый маленький человек на одной ноге, глаза у него синим огнём горят.

— Не ходи, Иван! — кричит Бамба.— Там горбатый Боко — чёрт — стоит! Заведёт, погубит!

Говорит Иван:

— Этот, что ли, чёрт Боко? — и хвать Боко за единственную ногу — да себе под ноги, чтобы ту трясину пройти.

Видит Бамба: лежит Боко не Боко, а сучок еловый. А Боко будто и не бывало! Через реку переходить стали — видит Бамба: чьи-то седые космы полощутся, в воде зелёные глаза блестят.

— Не ступай в реку! — говорит Бамба Ивану.— Видишь, Ганка-старик в воде лежит, нас поджидает! Видишь, руку железную выставил!

А Иван в воду нырнул, хвать того чёрта седого! Из реки вынырнул — в руках коряжина сосновая да щука зубастая, что под коряжиной той сидела. Съели щуку Иван да Бамба и дальше пошли. Так Бамба и не видал больше Ганка-чёрта.

Пошли побратимы через горы. Дрожит Бамба от страха — теми местами они идут, где Қакзаму людей подстерегает. Только Бамба подумал про Қакзаму, а Қакзаму тут как тут. Красные глаза на людей таращит, руки к ним протягивает, вот-вот зацепит и в камни обратит...

— Иван! — кричит Бамба.— Бежим отсюда, на траву бежим — там над нами Қакзаму не властен!

Оглянулся Иван да ка-ак хватит того Қакзаму железной палкой! Только искры во все стороны полетели! Закрылись глаза Қакзаму... Глядит Бамба — стоит камень серый, мохом поросший, никакого Қакзаму нет. «Притаился»,— думает Бамба; идёт за Иваном, оглядывается. Нет Қакзаму, и только! Пропал от удара Ивана.

— Ну, где твой Химу-чёрт живёт? — спрашивает Иван у Бамбы.

Только сказал он это — побратимы до озера дошли, а Химу уже ползёт на них, извивается, огнём дышит. Закричал Бамба, бежать хотел, а Иван ему:

— Ты чего же это, Бамба? Пала не видал, что ли?

Обернулся Бамба — нет Химу и словно не бывало.

Верно, горит трава, огонь, будто змея, по земле ползёт. Верно, камни вокруг, как чешуя, лежат. А Химу — нет! Вздохнул тут Бамба свободно.

Видит — никаких чертей нет, а стоит он с Иваном на своей земле: оба сильные, оба храбрые, оба охотники, оба богатыри, только Иван постарше будет. И кругом всё понятно: в лесу деревья растут, в тайге звери живут, в реке рыба плавает, на горах камни лежат. Подумал, подумал Бамба и вдруг говорит:

— Значит, теперь и сказки наши пропали! Про таёжных людей, про водяных людей, про горных людей сказки пропали.

— Ничего,— говорит Иван,— теперь другие сказки пойдут! Разве не сильный ты? Разве не храбрый ты? Своей земле разве не хозяин ты? Разве тебе не друг я? Разве про нас не сложат сказки?

Отсюда и сказки новые начинаются. Про любовь и дружбу сказки. Про силу и храбрость сказки. Про ловкость и верность сказки. Про твёрдое сердце, крепкие руки, верный глаз новые сказки начинаются.

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин

Храбрый Азмун

Ответственный редактор
Л. Г. Тихомирова
Художественный редактор
Л. Д. Бирюков
Технический редактор
Н. Д. Лаукус
Корректор З. С. Ульянова

Сдано в набор 17/IX 1973 г. Подписано к печати 25/XII 1973 г. Формат 60×90 1/16. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 4. Уч.-изд. л. 2,97. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1358. Цена 13 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 13 коп.
6+